

Казанский федеральный университет
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций
Кафедра социальной философии

Смирнов Н.А.

Заметки к феноменологии воплощения

Казань – 2026

УДК 111.11

ББК 87

*Принято на заседании ученого совета ИСФНиМК КФУ
Протокол № 6 от 18.02.2026*

Рецензенты:

доктор философских наук,
профессор кафедры социальной философии КФУ **Г.В. Мелихов;**
доктор философских наук,
профессор кафедры социальной философии КФУ **Т.М. Шатунова**

Смирнов Н.А.

Заметки к феноменологии воплощения / Н.А. Смирнов. – Казань:
Казанский федеральный университет, 2026. – 129 с.

В центре размышлений автора монографии – вопрос о возможности опыта как такового, о способности человека быть субъектом опыта (быть воплощенным, то есть, обладающим не только физическим телом, но живой, воспринимающей и чувствующей плотью). Эта тема является главным мотивом феноменологической философии и связывает в единый узел круг классических философских проблем – соотношения внутреннего и внешнего, явления и сущности, свободы и необходимости. На материале поэтической метафизики Бориса Пастернака, автор пытается дать общий эскиз неклассической, феноменологической онтологии.

Работа адресована всем, интересующимся философией.

© Смирнов Н.А., 2026

© Казанский федеральный университет, 2026

Содержание

Глава 1. Реальность как категория феноменологической философии.....	4
Глава 2. Истолкование реальности в поэтической онтологии Б.Л. Пастернака: Воплощение.....	39
Глава 3. Воплощение и видение: к вопросу о возможности феноменологии воплощения.....	83

Глава 1. Реальность как категория феноменологической философии

Предмет моей работы – реальность. Всё окружающее нас и мы сами; все события, вещи, случаи, истории, мысли, чувства, впечатления и т.д. Реальностью называют обычно совокупность всего этого, а также, некое предельное, большое пространство, вмещающее всё это. Общее понятие, обозначающее место, в котором всё происходит и само это всё, но не имеющее самостоятельного, вещественного содержания. Но в этой работе меня интересует Реальность как философская тема, как предмет философствования. Это значит – реальность как таковая, сама по себе. Не вместителище и не совокупность событий, мыслей и вещей, но она сама – Событие, Мысль и Вещь. Предельное, самое большое Событие, происходящее вместе с каждым отдельным, маленьким событием и реализующееся в нём. Мысль, мыслимая в каждой мысли, Вещь, сущая в каждой вещи. Сама событийность, сама мыслимость, сама вещественность – сама Реальность.

Целое, не сводящееся к сумме частей. Цельность, присутствующая в каждой отдельности и выражающаяся в ней. Скрепляющая все части в единство их всех и каждую отдельную часть в единство самой себя. Целое как цельность. Оно не просто не складывается из частей, но оно само складывает части и действует в них, – как независимая от них (и ни от чего), свободная сила. Реальность как таковая есть целое как цельность – самостоятельное, активное, действующее начало. Эту цельную и независимую реальность описывает в романе «Доктор Живаго» Б. Пастернак, а в переписке называет её главным предметом и содержанием романа: «Реальность как таковую, реальность как явление или философскую категорию: факт существования некой реальности»¹.

¹ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово/Slovo, 2004. — С. 489

Характеризуя роман как «реалистический» и своё творчество как «реализм», Пастернак имеет ввиду не литературный стиль, а жанр мировосприятия. Такое видение сущего, в котором на передний план выступает само существование, сама реальность, как основное содержание и главная героиня всего происходящего с нами. Как самая первая и самая важная встреча, из тех, что с нами случаются. То, что испытывается в каждом отдельном опыте, и всем возможным опытом сразу.

«В свои ранние годы я был поражён наблюдением, что существование само по себе необыкновеннее и необъяснимее, чем какие-либо удивительные случаи и факты... Сочиняя музыку, прозу, или стихи, я следовал каким-то представлениям и мотивам, развивал излюбленные сюжеты и темы. Но высшим удовольствием было добиться чувства реальности, уловить её вкус, передать саму атмосферу бытия, ту окружающую среду или охватывающую форму, куда погружены и где плавают отдельные описанные предметы»².

Что означает эта реальность как таковая, как философская категория? Среда, которая не сводится к просто вместительности, которая не есть только обстоятельство и место происходящих событий и явлений, но которая сама есть явление, проявляющееся на фоне всех остальных и вместе с каждым в отдельности. Явление самой явленности. Как случается, что за всеми явлениями мы вдруг видим саму явь? Наверное, силой её самой. Той же силой, какой являются и становятся видимыми все отдельные явления, является и явленность как таковая – собственно, сама эта сила. Содержательность реальности как таковой, как вещи и события (её вещественность и событийность), её вольность и самостоятельность определяют и главную её черту, характер её существования, – она выражает себя. Это не просто одно из её занятий, а её суть. Само её

² Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово/Slovo, 2004. — С. 523

существование, сама она, заключается в выражении. Стихия реальности – выразительная стихия. Высказывание, жест, действие, проявление. «...Я всегда воспринимал целое – реальность как таковую – как полученное послание или неожиданное пришествие, – писал Б. Пастернак в письме к С. Спендеру, – и всегда старался воспроизвести этот характер прицельно посланного, который, как мне казалось, я находил в природе явлений»³ (Ст. Спендеру, от 22 августа 1959 г.).

Реальность – послание. Речь анонимного автора, рассказывающая о себе самой. Разворачивающая своим рассказыванием сказанность как таковую.

Реальность – пришествие. Приход, выход на свет. Не статичное бытие, но совершающееся на наших глазах возникновение, рождение. Существование – не то, что существовало всегда, но то, что стало существовать, осуществилось (было послано).

Существо, вошедшее в собственное тело. Реальность, ставшая реальностью, воплотившаяся. Реальность – воплощение. Воплощение самой себя и своей сути, то есть – воплощение воплощаемости (а точнее, - воплощенности, потому что «воплощаемость» это скорее теоретическое понятие, обозначающее возможность, а «воплощенность» – факт, понятие описания, так и будем говорить в дальнейшем – «воплощение воплощенности как таковой»). «Основным духом моих опытов или стремлений (никакой философии у меня нет) стало понимание искусства или творческого воплощения и вдохновения как жертвы сосредоточенного самоотвержения, в далёком и скромном подобии Тайной вечери и Евхаристии – то, что образная сторона нашей культуры, герои и лица европейской истории в определенном смысле представляют собой некоторое подражание

³ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово/Slovo, 2004. — С. 524

Иисусу Христу или тесно с ним связаны и что Евангелие – основа того, что называется царством словесности и реализма»⁴.

Реальность – совершающееся событие воплощения. Сама воплощенность, воплотившаяся и выразившаяся. Перевоплощение всего сущего из замолченности и скрытости (из нереализованности и недействительности) в воплощенность (в само себя, в свою суть, в свою реальность). «Царство словесности и реализма» - реальность как таковая, воплотившаяся в слове, ставшая самой собой. Слово – и есть реальность как таковая (воплощенность). Это – и Евангелие, и всё протекающее в нас и вокруг нас существование, вся наша жизнь и наш путь – как образ и подобие евангельского повествования.

Воплощение – освобождающее и спасающее событие (а точнее, само спасение и освобождение). Слово воплощается – значит отдаёт себя в мир, дарит себя, раздаёт себя («жертва сосредоточенного самоотвержения, в далёком и скромном подобии Тайной вечери и Евхаристии»), выкладывается вся без остатка в явленность и телесность; осуществляется во всей полноте – ничего не оставляя себе. Быть Словом, - значит открываться, раскрывать себя, делаться уязвимым и незащищённым. Воплощенность воплощается в «жертве самоотвержения», делаясь безоружной, придавая всему сущему характер безоружности и раскрытости. Тем самым – вдохновляет и освобождает всё сущее. Отдаёт всему свою свободу и творческую, выразительную силу. То есть, способность дарить себя, быть даром, открывать себя, проявлять себя, освобождаясь из запечатанного, замкнутого, ограниченного существования.

В кругу этих тем развиваются размышления, описанные в работе. Далее, я буду раскрывать и описывать эти интуиции. Пока же, просто кратко определим эти понятия и предметы. Это – сама реальность, как таковая, как факт, как явление, и значит – как

⁴ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово/Slovo, 2004. — С. 412

воплощение. И само воплощение (воплощенность) – как спасение и освобождение всего сущего.

В качестве общетеоретической рамки и методологического подхода к рассмотрению и описанию реальности-воплощения (а значит, реальности как явления – вышедшего на свет, осуществившегося события), я обращаюсь к феноменологии. Говоря о ней, необходимо отметить, в первую очередь, что это не только и не столько философское направление или школа, сколько стиль, образ мысли и философствования. Под феноменологией я понимаю не собственно концепции Гуссерля, Хайдеггера и других, не понятия и идеи их философских учений, но, скорее – общий дух феноменологического поиска. Тот особый пафос, который побуждает философов (не обязательно именующих себя «феноменологами») размышлять в этой манере. То настроение, которое стоит за идеями и положениями Гуссерля и Хайдеггера. Внутренний мотив, пронизывающий их мысль.

Этот феноменологический пафос состоит в перемене способа восприятия реальности – в обращении воспринимающего внимания от рассудочных и теоретических представлений о вещах – к самим вещам. Независимо от того, идёт ли речь о чувственно-воспринимаемых или чисто мысленных вещах – важна смена взгляда – от того, как мы представляем себе вещь, мысль или событие, к тому, каково оно есть независимо от этого нашего представления. От того, что мы думаем о вещах, – к тому, как они сами нам являются. К тому, что они сами думают о себе и как это выражают. Предмет феноменологической мысли – явления. Те образы реальности, которые сами являются в сознании, манифестируют себя, заявляют себя и говорят о себе. Сознание для феноменологии – не субъективная сфера представлений о реальности, а сама говорящая, выразительная реальность. Ничего не утаивающая, полностью показывающая себя в потоке переживаний (восприятий, мыслей, чувств).

Это различие двух способов восприятия Гуссерль сформулировал как различие естественной и феноменологической установок. В естественной установке мы видим сущности вещей отдельно от того, как они нам являются. За всем миром явлений и данностей предполагаются скрытые закономерности и причины. Смысл происходящего с нами и нас окружающего – трансцендентен, скрыт за всем проявляющимся и обнаруживающимся. Напротив, в феноменологической установке мы видим, что явление вещи – это и есть проявление её сущности, выявление её во всей полноте. Смысл всего окружающего нас и с нами происходящего – в самом происходящем и окружающем, в калейдоскопе случаемого, думаемого, чувствуемого, испытываемого. В обнаружениях и выразительных жестах действительности.

Обращение к самим явлениям, поворот внимания, совершается, по Гуссерлю, в «феноменологической эпохе» – «заклучении в скобки» всех теорий, мировоззрений, представлений о вещах. Не отрицание, а воздержание от утверждений и отрицаний, от абстрактных определений целой реальности. Не-принятие во внимание ограниченности нашего восприятия. Как конкретной ограниченности – тех или иных установок, убеждений и т.д., так и вообще ограниченности – как будто всё в целом, без ограничений и определений, явлено и дано нам в нашем непосредственном сознательном опыте, в восприятиях и впечатлениях самих по себе. *То, что* остаётся в сознании кроме узости точек зрения и представлений, специализации и аналитической подготовленности взгляда – его (сознания) широчайшая онтологическая содержательность. Образы вещей, принадлежащие самим вещам. Лик, облик, черты облика действительности. Явления. Сознание для феноменологии – говорящее сознание. Это не «чистая доска», записывающая окружающий мир. Это самостоятельное, действующее, созидательное начало, – выражающее себя, творящее смыслы. Суть и жизнь его состоит в смыслопорождающей деятельности. Сознание есть

конституирующая сила. Оно само творит, создаёт свою содержательность и предметность – смыслы.

Оно (наш сознательный опыт) говорит с нами на своём языке, выражает себя, предъявляет себя. Встречает нас и смотрит на нас, лицом к лицу – являя те или иные черты реальности (смыслы). И облик всей реальности в целом. Образ реальности как таковой. Феноменология видит реальность как воплощенное действие, выражение, жест, как то, что выдаёт, показывает себя. Это её «исследовательское поле» (горизонт опыта), её тема, предмет её внимания. Не существует реальности «в себе». «Сами вещи» таковы, какими являются нам. *Реальность – это опыт*. Жизнь как переживание. Сознание как сознавание, cogito, конституирование смыслов. Вещь или событие – как явление, проявление, высказывание. Бытие как присутствие (sein как dasein). Реальность с точки зрения феноменологии – это поток восприятий, мыслей и впечатлений, в которых она выражает себя. Нет реальности вне выражений. Реальность – встреча с реальностью. Воплощенность – её суть. Её воплощение – и есть она сама. Гуссерль называет это сознанием (опытом, cogito), Хайдеггер – бытием (присутствием, dasein). Но несмотря на все концептуальные различия, предмет философствования и того, и другого – говорящая действительность и её Речь (или Вид, Образ, Облик). Её обращение к нам, её послание. Взгляд, смотрящий на нас, запечатлевающий всё, происходящее с нами, и вкладывающий эти впечатления в наше восприятие.

Феноменологическое видение и раскрытие реальности есть одновременно внимание к её конкретным проявлениям, и внимание к явленности как таковой, к реальности как к явленности. Вслушивание в Речь, и слышание слов и высказываний этой Речи, но также и слышание её самой как Речения, как ясного и сосредоточенного факта реченности, сказываемости. Всмотривание в Вид, и видение явлений и образов этого Вида, но также и видение его самого как Видности. Феноменология – рисующая мысль, карандашный

набросок действительности (сознания, бытия). Реальность предстаёт как цельный образ – самостоятельный, деятельный, завершённый, подобно художественному творению, произведению искусства. Например, феноменология Гуссерля *рисует* чистое сознание, запечатляет его образ. Не вскрывает механизмы и закономерности, по которым оно функционирует, но только описывает, как оно выглядит, каким является нам. То есть, подходит к явлению сознания именно как к явлению. И понятия такой феноменологии сознания – это понятия описания, рисующие черты этого явленного образа. Ноэза и ноэма, конституирование, интенциональность – это всё штрихи к портрету сознания, а не схемы его функционирования. Не то, «как оно работает» или «как оно устроено», а то «как оно выглядит» или «каково оно есть».

С этой стороны феноменологическая манера мысли воплотилась в творчестве И.В. Гёте, феноменолога до феноменологии. Не «представителя школы», но реально размышлявшего, философствовавшего из феноменологического опыта – из опыта созерцаний и встреч с явлениями, и с явленным образом всего существования. «Он старается понять природу не в логических понятиях, а смотрит на неё как на совершенное художественное произведение, которое само должно открывать своё духовное содержание восприимчивому наблюдателю»⁵, – так Гельмгольц описывает гётевское мировосприятие, говоря о различиях его и ньютоновского учения о цвете.

Центральное понятие и предмет философии Гёте – первоявление. Оно описывает единство данности отдельного явления и явленности как таковой (перворастение проявляющееся в каждом отдельном растении, и сама явленность, являющаяся в их единстве). Всякое явление есть явление самого себя, но и явленности как таковой. Перворастение – не обобщающее абстрактное понятие, не идея, а вещь, такая же конкретная и непосредственно данная, как

⁵ Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Ленинград: Наука, 1970. – с. 358

отдельное растение. В феноменологии Гуссерля подобный опыт описывается понятием «wesensschau» – «сущностное усмотрение», или, в одном из вариантов, «идеация». Это опыт явления единичного факта, в котором явлена также его общая сущность. А точнее, сущность, данная в качестве единичного факта, сущность, ставшая фактом – явленная, увиденная сущность. Зримая и осязаемая. Данная на поверхности. Вложенная самой природой в наше восприятие. Не требующая от нас специальных познавательных усилий.

Реальность является, и тем сама разъясняет и предоставляет себя для понимания и восприятия. Сама повествует и учит нас о себе. Открывает нам себя для видения, – так как она и есть, не скрываясь и не таясь. Явление есть первоявление, воплощение – воплощенность, фрагмент реальности – сама реальность как таковая.

Гёте, не будучи феноменологом по направлению, фактически, размышляет, творит и живёт в феноменологическом контексте. Его метод, в том, чтобы наблюдать и описывать вещи такими, какими они являются. Его мировосприятие обращено к тому образу реальности, который запечатлевает наше внимание ещё прежде, чем мы успеваем осознать и теоретически отметить это. «То, с чего следует начинать, лежит вне познания, оно само не может быть познанием... Такое начало может быть осуществлено лишь с непосредственно данным образом мира, то есть, тем образом мира, который предлежит человеку, прежде чем он каким-либо способом предлежит человеку, прежде чем он каким-либо способом подверг его процессу познания, стало быть, прежде чем он допустил хотя бы малейшее высказывание о нём, предпринял малейшее мысленное определение его... от всякого другого предиката мы должны воздержаться для фиксируемого на этой ступени образа мира. Он не может быть понимаем ни как действительность, ни как иллюзия, ни как субъективный, ни как объективный, ни как случайный, ни как

необходимый; есть ли это «вещь в себе» или простое представление, этого нельзя решить на данной ступени»⁶.

Предмет гётевской феноменологии – допредикативный образ мира. Он не имеет определенности, не тронут никакой интерпретацией или практическим действием, но есть чистая обнаруженность себя. Выход к широте и свету из ограниченности и скрытости. К высказанности и помысленности из немоты и неясности. Если представить, что это живое существо, подобие живого существа, - тогда оно есть выход к смелости мысли и действия из неискренности и зажатости. Обретение лица и черт лица из запутанности и обезличенности.

Высвобождение из порабощенности. Встреча с реальностью связана с её освобождением. Кто освобождает, и от чего или от кого? Человек – от самого себя, а точнее, от того, что происходит, чему он свидетель и участник. От того, что Гёте собирательно обозначил как «познание». В данном случае, как мы видим, это понятие обозначает способ освоения реальности. А точнее, освоение и подчинение реальности как способ отношения к ней. Восприятие реальности как материала для подчинения и освоения. Как будто всё воспринимаемое, весь поток опыта, сам по себе не имеет ценности и содержания, но значим именно как то, что развивается и существует в соответствии с закономерностями и связями, которые мы увидели в нём. Философско-мировоззренческая ситуация, в которой оказался Гёте, – это господство механики Ньютона. Даже не просто ньютоновской теории и не общенаучной парадигмы, но особого мировосприятия – механистического взгляда на мир. Реальность предстаёт в нём как пространственное вместилище, в котором располагаются люди, события и смыслы. Их движения подчинены физическим, логическим, этическим механизмам и принципам. Целое понимается как совокупность частей, не имеющая самостоятельной

⁶ Свасьян К.А. Феноменологическое познание: пропедевтика и критика. – Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1987, - стр. 93-94

действительности. Соответственно и цельность человеческого опыта – опыта восприятия целого как такового – разделяется на умозрение и опыт. Чувственный опыт, подчинённый умозрительным принципам, или напротив, умозрительные принципы, являющиеся только обобщением чувственного опыта. Само умозрение, в рамках этой картины мира, не есть опыт (не есть, собственно, умо-зрение), но только абстрактные представления, их логика и порядок.

В основании такого, «познавательного» отношения к реальности лежит то, что Гуссерль называл «естественной установкой». Теперь мы можем конкретизировать это понятие в преломлении той ситуации, в которой оказался Гёте-мыслитель. «Познание» основано на естественной установке – разделении единства восприятия-реальности на отдельные и независимые друг от друга – предмет (событие, вещь, мысль и т.д.) и моё отношение к нему (чувственное восприятие, теоретическое осмысление, практическое действие и т.д.) Это самый простой и самый первый аналитический акт, с которого начинается познание – цельность жизни и её переживания распадается на познающего и познаваемое. На вещи и явления, с одной стороны, – и на человека, который ими обладает или не обладает, знает или не знает их, и т.д., – с другой. Стремление к овладению действительностью начинается с представления о том, что человек не есть органическая часть мира, но кто-то внешний по отношению к нему – с представления о мире, существующем вне сознания и о сознании, отделенном от мира. Вот это представляющее мир сознание и есть естественная установка. В этом, представляющем мир сознании возникает жажда познания – овладения реальностью, подчинения реальности логике и принципам представления. С представления как формы восприятия реальности начинается порабощение как общий мировой процесс, как принцип человеческого существования – овладение и подчинение себе всего происходящего. Умерщвление действительности, упаковывание её (обратно) в абстрактную, чисто гипотетическую форму возможности.

Изъятие из неё её собственной, животворящей силы, в пользу теоретического и систематического знания о ней. Смерть одолевает жизнь. Её творческой силе, непредсказуемой и свободной, человек предпочитает иллюзию собственной значительности. Место живого и цельного «образа мира», о котором пишет Гёте, занимает мир как пространство познавательной деятельности человека. Место творчества самой реальности – познавательная безудержность человека (вместо явлений, в которых нам даны сами вещи, мы прокладываем длинный путь к их скрытой сущности).

В философии Гёте присутствует совершенно особое понимание творчества. Искусство (как и наука, и философия) для него – продолжение природы, её усовершенствованное самовыражение. Человеческое творчество начинается не с человека, не противостоит миру, и не преобразует его. Оно венчает творчество природы, само являясь её органической частью, и в сущности – само есть сотворённая ею форма, её творение. Всю свою деятельность он понимал как выразительный жест Вселенной, и значение этой деятельности – не в её результатах (научных открытиях, стихах, романах, учениях), а именно в ней самой. Она сама по себе – значима, она сама есть форма, она сама есть художественное творение. Гётевская философия, его способ видения – не метод, с помощью которого он чего-то добился и к чему-то пришёл, а само по себе – результат, произведение, явление. Образ жизни – важнее её конкретного содержания. Важнее всех видов искусств – воплощение и творчество как выражение Творчества и Воплощенности вообще. Событие воплощения воплощенности. В котором нет результата, а точнее, результат не важен, которое значимо тем, что выражает ту онтологическую стихию, которая действует и направляет его. Мне кажется, что важнейшей мыслью для понимания того, чем была гётевская философия, его феноменология (и феноменология вообще) является мысль о том, что сам Гёте, его творчество – и есть

Первое явление. Первое явление искусства, первое явление мысли, первое явление человека, первое явление природы.

Весь наш опыт, всё происходящее с нами – это первое явление и символ.

Сам человек – первое явление и символ.

Реальность – не поле самореализации человека, не пространство для его действия и познания, которое он распаивает и осваивает. Не материал для овладения и подчинения. Но, напротив, человек есть творение, произведение, изделие Реальности как творческого, осуществляющегося, воплощающегося начала. И одновременно, – зритель, или свидетель этого творческого воплощения действительности. Его работа не в том, чтобы овладеть реальностью, а в том, напротив, чтобы освободить её. Стать простором её самоосуществления, освободить её творческую силу. Дать совершиться, развернуться в пространстве и времени событию освобождения. Деятельность человека в том и состоит – увидеть и пережить в своём собственном опыте, в себе самом – освобождённый, пылающий и творящий образ мира.

Эту специфическую творческую манеру сам Гёте называл «*der Fall nach oben*» – «падение вверх». Ещё один перевод слова «*der Fall*» – «случай». Это падение не закономерное, не необходимое, не механическое. Это падение – случайность, падение – случай, падение – срыв. Падение споткнувшееся, неожиданное, – которое невозможно предсказать, подготовить, «сделать». Весь смысл которого – в спонтанности и свободе его собственного волеизъявления. «*Der Fall nach oben*» сам решает, кого и когда он толкнёт в небо и развернёт лицом прямо к первому явлению. Как Фалес когда-то свалился в колодезь глядя на звёзды, так Гёте сваливается к звёздам, спотыкаясь о непосредственность являющейся реальности. Случай, нечаянность, нежданность-негаданность отличают встречу с тем, что находится у нас перед глазами (а по-другому с этим и нельзя встретиться). И мы обнаруживаем себя в самом центре, в воронке (откуда не выбраться

уже) урагана воплощения. Здесь всякая вещь оказывается не только и не столько самой собой, сколько первоявлением, самой ситуацией данности, самой явью.

Для Гёте важнее конкретных открытий в конкретных областях знания был сам способ, каким он направлялся в постижении природы. В этом состояло существо его спора с Ньютоном, а не в расхождениях по отдельным вопросам и теориям. Природа для Гёте – явление, проявление. И потому важнее всего оказаться в самой среде явленности, внутри этого мира, в котором вещи проявляют себя, а не скрывают. Само видение природы как явленной и открытой, важнее многообразия возможных открытий. Это можно описать как видение явления как первоявления – внимание переключается с конкретного значения явления к самой его открытости – к тому состоянию, в котором оно делается *видным*, *видом*.

В этом смысле понятие «Перваявление» близко понятию «символ», если мы понимаем его не как символ какой-то отдельной вещи с определенным значением, – но как символичность вообще. Символ реальности как таковой, то есть, – символ самой символичности всего сущего, – то есть, сама символичность.

О.А. Седакова так описывает, это, гётевское и пастернаковское понимание символа: «Ни постоянного «смысла», ни постоянной закреплённости символ не имеет. Символичным может стать всё, что угодно, “нечаянно и наугад”,... символическая ценность посещает и покидает вещи... они символичны, когда сильны, когда происходит некое неожиданное событие опознавания (символ всегда «вдруг»): край входит в край, и из этого следует восстановление контакта, восстановление расколотого целого, – потому что за символом стоит сюжет разлуки и неизвестности, и памяти о возможной в будущем встрече. Символ – своего рода гадание о хэппи-энде этой долгой сказки о потерянных, забытых или неизвестных родных и друзьях, предсказание счастливого конца разлуки. Каждый символ и все они вместе соединяют нас не с каким-то конкретным «смыслом», а с

«неисследимым целым», с «легендой», со смыслом, существующим не как «вещь», а как среда»⁷.

Вдруг, мгновенно, – в случающемся с нами событии или встреченном явлении, в испытываемом нами опыте, мы видим черты общего движения и характера всего происходящего в целом. Общая значительность, содержательность, мыслимость-смысленность, – выступают на первый план. Ясна и осязаема становится сама повествовательность как существенная черта существования, делающая его не просто чередой событий, но сюжетом, мифом, сказанием, легендой. Каждая вещь символизирует любую другую и все другие вещи, символизируя символичность всего в целом. В понятии символа как символичности мы подбираемся к пониманию реальности как «послания», о котором говорит Пастернак. Это послание – без конкретного содержания, послание посланности, выразительности, словесности. Как будто послан не текст, а концентрированный сгусток вещественности, из которой, при дальнейшем сгущении и отвердевании, образуются слова, смыслы, тексты. Послание всей полноты (буквально физически - объёма и массы) воплощённого существования. Само воплощение может послать только всё себя сразу, полностью вложив себя в это послание. «Истинная символика там, где частное является представителем более общего, не как грёза или тень, но как живое мгновенное откровение неисследимого»⁸, – говорит об этом Гёте.

Символичность реальности как таковой не в том, что она выражает себя, в тех или иных символах, те или иные свои стороны, а в том, что она выражает себя полностью и сразу, – самой собой. Она сама есть послание самой себя, символ самой себя, встреча с собой. «Край в край», – это встреча двух явлений друг с другом, и в этой встрече – их встреча с реальностью в целом, с первоявлением.

⁷ Седакова О.А. Апология разума. – М.: МГИУ, 2009. – 2009. – с. 113

⁸ Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Ленинград: Наука, 1970. – с. 111

Символ есть *встреча*, и потому, – встреча с реальностью в целом и её символичностью.

О символе как символичности, воплощении и встрече, много размышлял П.А. Флоренский. В его философии символа я хотел бы обратить внимание не на исследование конкретных культурных форм символического и не на символ как концепцию (не на центральное понятие «символизма» как направления и мировоззрения), – а на сам Символ как особую (личную) «тему» Флоренского. На его встречу с символом как на особый опыт, ставший «темой» и внутренним содержанием всей его жизни и всего творческого пути. А точнее, на его *опыт встречи*, который он тематизировал как «Символ» или символичность действительности. «Символ», в таком случае, – понятие проблематическое, описывающее опыт вопрошания и удивления, обозначающее характер и содержательность самого интимного духовного стремления и обращения. Предмет размышлений, ставший ключом к раскрытию жизни, к проникновению в загадку существования. Первоявление Флоренский осмысляет как символ. Символ Флоренского – это реальность, увиденная и встреченная как воплощение.

В работе «Детям моим. Воспоминанья прошлых дней», обращаясь к образам и впечатлениям детства, он восстанавливает основания и направляющие силы своего жизненного и творческого пути. Обращаясь к тем или иным памятным событиям и отношениям с близкими людьми, Флоренский описывает эти события и отношения как встречи с теми или иными явлениями жизни. А в них, с первоявлением, – с самой воплощенностью сущего. «Иногда ходили на море с папой. Папа объяснял по поводу наших находок, что эти слои образовались от вековых осадений в подземных скважинах и пещерах. А я видел в этих слоях осевшие века, окаменелое время. Время я никогда не мог постигнуть как бесповоротно утекшее; всегда, насколько помню себя, жило во мне убеждение, что оно куда-то отходит, может быть именно в эти самые скважины и пещеры,

стекает и там скрывается...»⁹. В другом месте Флоренский пишет: «В матери любил я Природу, или в Природе – Мать, *Natura naturantem* Спинозы. Я знал, что мать очень любит меня; и в то же время у меня всегда было чувство таинственного величия её»¹⁰.

«Воспоминания» – летопись первых встреч Флоренского с первоявлениями жизни. Повесть о том, как он впервые, на первых шагах, споткнулся о неизбежное, о время, о величие Природы, и т.д. И, конечно, повесть о Встрече как таковой, – о жизни как встрече, о существовании как встрече. О встрече с воплощенной реальностью, – о символе. «Всю свою жизнь я думал только об одной проблеме, о проблеме символа... Я искал того явления, где ткань организации наиболее проработана формирующими её силами, где проницаемость плоти наибольшая, где тоньше кожа вещей и где яснее просвечивает через неё духовное единство»¹¹.

Символ – точка в нашем пути, в которой сквозь поток многообразия сущего глядит на нас его единство. Встреча неотделима от Взгляда. Взгляда, смотрящей на нас реальности. Об этом говорит Флоренский как о просвечивании и высвечивании действительности, и о её иномирности. «Если говорить о первичной интуиции, то моею было и есть то таинственное высвечивание действительности иными мирами – просвечивание сквозь действительность иных миров, которое даётся осязать, нюхать, вкушать, настолько оно определено...»¹².

Говоря об облике Реальности как таковой нельзя забывать о том, что Облик – это не только то, как выглядит что-то, но и то, что само смотрит. Облик – это лик, лицо. А значит, в первую очередь – глаза. И об этом же ощущении онтологического взгляда (то есть онтологии как взгляда) говорит Гёте Шопенгауэру, доказывавшему ему своё положение «мир есть моё представление». «Как? – сказал он мне,

⁹ Там же. – С.46

¹⁰ Там же. – С.38

¹¹ Там же – С.154.

¹² Там же. – С.158.

взглянув на меня своими глазами Юпитера. – Свет, по-вашему, существует лишь постольку, поскольку Вы его видите? Нет! Вас самих не было бы, если бы свет Вас не видел»¹³.

Весь простор открытости, на котором мы существуем и внутри которого видим всё, что видим, – это свет, как бы исходящий из взгляда самой реальности, смотрящей перед собой. Всё сущее, все человеческие дороги и долины, всё, где мы живём, чем мы живы, и сама наша жизнь – находятся внутри этого Взгляда и освещены им. В этом смысле всё происходящее с нами есть воплощение – всё освещено, всё светится, и потому всё есть проявление света, светлости, явности. Освещенности, исходящей из смотрящего Взгляда. Встреча с воплощенностью – это опыт, которым мы чувствуем на себе и на всём происходящем с нами этот Взгляд. И самое главное, – этот Взгляд, это смотрение, имеет не пассивно-наблюдающий, а творческий характер. Он сам порождает, творит то, на что смотрит. Свет создаёт мир, им освещённый. Вещи и события возникают в свете этого Взгляда и не существуют вне освещенности им. Сущее – освещенное сущее. Воплощённое, ставшее реальностью – то есть, увиденное Взглядом, вышедшее на свет («Вас самих не было бы, если бы свет Вас не видел!»). Наш опыт – представляющие нам и нами испытываемые явления. И подобно тому, как отдельное явление нуждается (для того, чтобы явиться) в том, кто видит его, так и первоявление – нуждается в Том, Кто Видит. В том, Кто испытывает. И подобно тому, как отдельные фрагменты реальности есть чей-то опыт, так и реальность в целом – есть Опыт как таковой, вообще Опыт. Всё существование как Опыт – как Испытывание, как Переживание и Видение. Только если на уровне отдельных явлений существует различие между явлением и смотрящим на него взглядом, то на уровне всей Реальности как явления – этого различия нет. Реальность в целом есть опыт самой себя. Взгляд освещающий, и тем самым проявляющий себя, воплощающий себя. Взгляд, которого не

¹³ Свасьян К.А. Гёте. – М.: Мысль, 1989. – С. 172

существует отдельно от освещения и освещаемого. Он сам полностью есть событие освещения и всё освещаемое им. Всё высвечиваемое и просвеченное им.

Это единство светящихся явлений и их высвечивания, единство реальности и опыта переживания и испытывания её, в феноменологии Гуссерля описано понятием интенциональность, дополняющим понятие конституирования. Сознание есть самостоятельная творящая сила, оно конституирует содержания и смыслы. И не оставляет их вне поля (горизонта) своего внимания. Сознание есть интенциональность. Оно всегда обращено к конституированным предметностям. Точнее, конституирование это и есть интенциональность. Сознание создаёт предметности тем, что обращено к ним. Направленность внимания, испытывание и переживание этих предметностей и есть их порождение. Вне этой направленности их нет. Сознание творит своим взглядом, смотрением. Оно не может отвернуться, потому что за пределами того, на что оно смотрит – ничего нет. Горизонт сознания, горизонт возможного испытываемого опыта – это пределы того большого Взгляда, ощущение которого на себе есть встреча с первоявлением, с реальностью как таковой. Всё случающееся и совершающееся с нами – её творчество, неотделимое от её Взгляда, видящего всё это, и тем самым, создающего и являющего всё это.

Откуда, берётся это ощущение Взгляда, не совпадающего с моим, но видящего меня, ощущение Реальности как смотрящей? Интенциональность моего индивидуального сознания с его направленностью, неотделима от интенциональности сознания вообще. Моего отдельного взгляда на отдельные вещи не было бы без этого большого Взгляда на вещественность как таковую. Мой взгляд расположен внутри этой оптики, и потому чувствует на себе её созидательную силу. И потому, чувствует себя её художественным произведением, её творчеством (как бы образом, возникшим во взгляде Художника). Индивидуальное (нередуцированное, остающееся в естественной установке) сознание есть предмет

интенциональности сознания, открываемого феноменологической редукцией (мир «естественной установки» конституируется видением «феноменологической установкой»). Индивидуальное сознание не может иметь предметом Сознание, не может видеть его, - но только чувствовать этот Взгляд на себе, и раскрывать это чувство, погружаясь и растворяясь во Взгляде.

В этом смысле говорит Флоренский о символичности как о являющейся, но скрывающей себя действительности. Выражающей и обнаруживающей себя во всей полноте, но ускользающей от обыкновенного нашего способа видеть – то есть, от схватывания и освоения. Это ускользание неотделимо от «таинственного высвечивания иных миров», от ощущения, что всё, происходящее со мной, невидимое и «неисследимое» до конца мною самим, видят глаза самой реальности как живого существа и лица. «...Просвечивание сквозь действительность иных миров, которое даётся осязать, нюхать, вкушать, настолько оно определено, и которое, однако, всегда бежит окончательного анализа, окончательного закрепления, окончательного «остановись, мгновение». Оно бежит, ибо оно живёт; оно питает ум и возбуждает его, но никогда не исчерпывается построениями ума»¹⁴.

Символическое – не то, что указывает на что-то другое, но то, что указывая на само себя, бежит от прямого и статичного, фиксирующего наблюдения. Показывает себя, но не так, как мы привыкли на всё смотреть, не определяя и не ограничивая себя, но напротив, оставаясь собой, оставаясь как есть – в неопределенности и широте целого. В строгом и точном соответствии, в каком эти черты (неопределённость и широта) выражают бесконечную творческую мощь реальности. Событие воплощения есть событие ускользания.

¹⁴Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Сост.: игумен Андроник (Трубачёв), М.С. Трубачёва, Т.В. Флоренская, П.В. Флоренский. Предисл. и комм. игумена Андроника (Трубачёва). – М.: Моск. рабочий, 1992. – С.158.

Язык, на котором образ реальности описывает себя нам – не статическая знаковая система, с чётко определенными значениями, а живая речь, с подвижной, индивидуальной семантикой, до конца не уясняемой и для самой себя. «Она скрывается, молчит или шутит, играет со мною, чтобы пробудить меня к деятельности, и она хочет быть познанной мной»¹⁵.

Реальность *играет*. В обоих смыслах этого слова: играть – воображать ситуацию, роли и действия, и играть – в физическом смысле, мерцать, переливаться, не даваться (как мы говорим, например, «играет на свету»). Деятельность и проявления, по которым мы опознаём и встречаем реальность – это не последовательный и прошнурованный необходимостью ряд высказываний и определений, а игра. Необязательная, непредсказуемая, спонтанная. Правил и следствий которой не знает и сам автор. Реальность обманывает наши ожидания и проскакивает мимо подходов и предположений. Единственная возможность подступить к ней – дать ей играть, вызвать к игре. Остановиться перед зрелищем переливающейся на солнце действительности. Играющей – мерцающей, сверкающей, ускользающей. Явленной, но не схватываемой. Воплотившейся во всей полноте, но до конца не постигаемой и не обозримой. «...Не путями и доказательствами конструируется предмет познания, и потому не из них он постигается, как это бывает в мышлении субъективном, но, напротив, сам он, хотя и не анализированный, с самого начала служит упором мысли, и пути намечаются из средоточия. Их может быть бесчисленное множество, это – игра познаваемой реальности... Вызвать игру – это и есть метод познания»¹⁶.

Воплощение воплощается в форме игры – необязательного и непредсказуемого творчества, вольности и каприза. Быть при нём – значит видеть всё в особом, радужном спектре. Флоренский

¹⁵ Там же. – С.161.

¹⁶ Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т.1 – М.: Академический проект, 2013. – С.41.

описывает это через описание детских впечатлений. Этот взгляд подобен детскому восприятию – когда всё видится будто впервые. Восприятию изумлённому, захваченному самобытностью зрелища, не ищущему его «скрытых механизмов». Реальность являлась Флоренскому – ребёнку (равно, впрочем, как и взрослому) как театрализованное зрелище, с масками и переодеванием. Воплощение – это фокусничество, его суть – в ускользании от определенности и замеченности. Разоблачить его невозможно, потому что суть фокуса в первоявлении – в нём самом, а не в скрытой технике его исполнения. Тема воплощения – это не о механизме проявления, а о самом проявлении. Чудесное в фокусе – его показывание, само действие. Ребёнок захвачен зрелищем, а не головоломкой. И никакое разоблачение не разоблачит этой явленности переживаемого ребёнком чуда. Напротив, «разоблачитель» обманет сам себя, попадётся на уловки игривой реальности, удаляясь от непосредственного опыта встречи с ней. Разоблачение фокусов из детства Флоренского это, по сути – действие естественной установки, то, что «выключается» феноменологическим эпохе. *Разоблачительство* – стихия рассудка, потерявшего контроль над собой, не проверенного более глубоким сознанием. В сущности, наш обыкновенный повседневный способ восприятия явлений. Человеческий глаз не настроен видеть самобытность, видеть индивидуальность, видеть чудо. Мы склонны к тому, чтобы всякое явление объяснять внешними ему причинами. И дело, конечно, не в том, что объяснения, которыми полно наше сознание, не точны и не верны. Напротив, они, может быть, в большинстве случаев, очень даже верны, но именно в силу своей психологической (эмпирической, этической, логической) безукоризненности и безошибочности – они проходят мимо явления, мимо реальности как таковой. Неразрешимая, символическая тайна воплощения становится для них решенной задачей и угаданной загадкой (а Бог, наверное – загадыватель загадок и задач, умнейший из всех существ).

Таким разоблачением природы, было, в понимании Гёте, механистическое естествознание XVIII века. И ему, этому разоблачительству, он противопоставил свой философский реализм – восприятие показываемых реальностью фокусов как первоявления, к которому не имеют отношения никакие интерпретации и объяснения. Между миром и человеком, в его понимании, существует исходное органическое сродство. Так, что всё, что есть в воспринимаемом мире, есть и в воспринимающей способности – единое, цельное событие восприятия, располагающееся на всём протяжении действительности. Первоявление неотделимо от опыта встречи с ним – переживания и осмысления. Между ними нет того промежутка, который образует «естественная установка», в который вкрадывается и в котором, затем, растёт и развивается стихия разоблачения явлений. Опыт, отделенный от того, что он испытывает, сознание, отделенное от конституируемой им предметности (а точнее, гипостазирование предметности сознания), — это и есть материал и основание для разоблачения воспринимаемых явлений. Первоявление – это событие, единство опыта и того, что он испытывает. Неотделимость переживания от переживаемого. Синхронность, синонимичность, органическое соответствие происходящего в зрителе и в созерцаемом действе – цельная самобытность зрелища. Гуссерль описывал это как ноэтико-ноэматическое единство жизни сознания, - в опыте сознания неотделимы друг от друга ноэза (акт сознания) и ноэма (предмет сознавания, например, воспринимаемое). Гёте говорит об этом как об органическом взаимодополнении явления и его видения: «Всякий новый предмет, хорошо увиденный, открывает в нас новый орган»¹⁷.

Здесь мы возвращаемся к гётевскому пониманию творчества – не мы творчески преобразуем действительность, но она сама есть творчество, преображающее и созидающее нас. Восприятие явления – не просто снятие копии с него, но в полном смысле – приятие его в

¹⁷ Свасьян К.А. Гёте. – М.: Мысль, 1989. – С. 133

нас. Это акт творческого воздействия Реальности на человека. Преобразование Реальностью человека – преображение его ею по образу и подобию самой себя. Ведь не просто каждому предмету, воспринимаемому нами, соответствует орган восприятия, но каждый новый воспринимаемый предмет именно *сам* открывает в нас орган восприятия, ему соответствующий. Так и первоявление открывает всего человека как целый орган восприятия. Так первоявление природы создало Гёте-натурфилософа – орган восприятия природы. Так детский первоопыт Флоренского, первые впечатления и встречи с явлениями мира, его опыт «*впервые*» (опыт «*впервыйности*») открывает (создаёт открывая) основания, пути и темы всей его жизни и творческой биографии (творческой тогда, в обоих смыслах – как той части жизни, которая посвящена была его творчеству, и как вся его жизнь, ставшая произведением творчества символической реальности). Философия Гёте и Флоренского есть искание и описание опыта, состоящего в возможности увидеть всю свою жизнь и свою деятельность как символическую, то есть, как Воплощение. Как произведение творчества самой Реальности. Тогда описание воплощенной жизни, описание этого произведения, будет открывать органическую, нерасторжимую связь его черт и облика с путями его узнавания. Я буду описывать, далее, образ реальности как динамического, органического и поэтического (лирического) воплощения, – а значит, динамический, органический и поэтический образ её видения. То есть метод или способ видения как *образ* метода или способа – описание метода как осуществившегося события и пройденного пути. Говоря словами Гёте – открытого, найденного и разработанного, – органа восприятия. Описание открытого предмета вместе с открытым им органом восприятия. Описание реальности вместе с установившейся связью с ней. Воспринимаемая реальность воспринимается вместе с актом восприятия – это единый воспринимаемый предмет – событие восприятия, равное видению самого себя и неотделимое от него.

Вместе с Гердером Гёте переосмысляет онтологию близкого им обоим Спинозы. Гердер изложил их мысли в пяти диалогах под общим названием «Бог. Некоторые разговоры о системе Спинозы». Собеседники, Теофрон (Гердер) и Филолаус (Гёте), переформулировали его учение с языка статичного и механистического пантеизма в понятия динамической и органической реальности.

Они «стремятся преодолеть понятие субстанция и другие понятия Спинозы – «атрибут», «модус» – употреблять слова, рисующие Вселенную подобной организму»¹⁸. Канаев употребляет здесь слово, очень точно описывающее то новое, что вносят Гёте и Гердер в философию Спинозы, – «рисующую». Это не другая философская система, – это то же мировоззрение, что и в учении Спинозы, то же устройство мира. Различие – в способе восприятия. Гёте и Гердер предлагают иной способ восприятия и описания (той же сути) – «рисовать» картину, образ Вселенной, а не формулировать абстрактные определения, аксиомы и следствия. «Благодаря этому сама система Спинозы приобрела бы лучшее единство... Мы отбросим слово свойства (атрибуты) и вместо этого скажем, что божественное открывается в бесконечных силах бесконечными способами, то есть, органически»¹⁹.

Бог – не статическая сущность или закономерность, но динамическое явление. Его творческое действие не где-то за пределами мира, но и не тождественно эмпирическим причинностям и закономерностям самого мира. Оно – в живом многообразии и непредсказуемости морфологии сущего. Причинность связывает вещи одну за другой – от А к Б, от Б к В, в определенной и односторонней последовательности, звено к звену. Единство мира обеспечивается отлаженностью механизма и статичностью закономерностей, умозаключений и смыслообразований.

¹⁸ Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Ленинград: Наука, 1970. – С. 159

¹⁹ Там же. – С. 159.

Достоверность пути – в строгости следования принципам и методам. Напротив, Сила (Macht - мощь), утверждаемая Гёте вместо причинности в качестве внутреннего мирового принципа, – обеспечивает единство мира цельным, свободным действием, проявлением самой себя. Вещи и события связываются не однозначной причинно-следственной последовательностью, а спонтанной встречаемостью, свободным и бескорыстным отношением одного к другому, и всего вместе – к целому, к цельному образу действительности. А относиться к В не через Б, а поверх его, простой самобытной связью. Так все вещи и события мира встречаются друг с другом лицом к лицу поверх всего остального, поверх всех возможных причинных связей – простым силовым действием. Простой заряженностью и намагниченностью притяжения.

Бог Спинозы – геометрическое поле детерминизма, прошнуровывающее необходимостью всё мироздание. Закономерности и причинности, внутренний механизм природы. Бог Гёте и Гердера – свободный творческий акт, вольным воображением творящий формы всего происходящего с нами и нас окружающего. «Это метит в самый центр системы Спинозы. Мощь (Macht) – её сущность; все атрибуты и модификации её – выражения её, действительные и действенные действия (Tatigkeit)»²⁰.

Спинозистское единство всего и одного, Бога и мира, но вместо понятия «субстанция» понятие «Сила», «Мощь», а вместо «атрибутов» и «модусов» – «действие», «деятельность», «действенность». Действительность, увиденная как действие и действенность. Вместо абстрактной и статичной схемы внутреннего механизма мира – живое полотно, изображающее реальность как происходящее событие, как осуществление. Вместо двух синхронно действующих атрибутов субстанции (материального и духовного) – единые и цельные действия Силы. В действительности нельзя аналитически отличить духовное от материального, индивидуальное

²⁰ Там же. – С. 159.

от всеобщего, случайное от закономерного. Первое и главное значение действительности в том, что она есть действие Силы. Сила, в свою очередь, неотделима от действий. Она не существует обособлено, абстрактно, как отвлеченная сущность. Она вся вложена в действия, суть её – в деятельности.

Тема Силы у Гёте неотделима от темы Жизни. Сила в диалогах с Гердером – это органическая сила, а жизнь – это именно сила жизни. Жизнь в онтологическом смысле – вся реальность, её суть и характер, её стихия. Образ реальности – образ жизни. Образ живой, растущей, увядающей и расцветающей, засыпающей и пробуждающейся, – реальности. Воплощение – это оживание, цветение, пробуждение и рост. Жизнь – это явление; это *живое*, разлитое, распространённое по всему сущему, во всё проникающее, всё оживляющее и всё воскресающее. Нечто такое, без чего ничто не было бы *живо*. Во всё проникающая и всё пробуждающая к жизни сила. Интуиция жизни как явления и силы направляла искания Гёте. В одном из юношеских писем он описал это явление и силу, встретившиеся ему в пойманной бабочке:

«Бедное создание трепещет в сачке, стирает свои прекраснейшие цвета, и когда его ловят невредимым, оно лежит уже застывшим и безжизненным; труп не есть всё животное, здесь недостаёт чего-то ещё, чего-то главного, а при случае, как и при всех случаях, чего-то очень главного: жизни»²¹.

В этом коротком впечатлении выразилось самое общее гётевское мировосприятие. Сущее в целом, реальность – это *Живое*, проникнутое жизнью. Где нет жизни, там нет действительности. Мёртвое – не реально. Мёртвая вещь не имеет вещественности, не имеет у себя саму себя (она не есть она сама). Мертво – то, что упустило себя; то, что утеряно, утрачено. Мёртвая вещь – только возможна, только гипотетична, только абстрактно-теоретически вероятна. Она утратила (или ещё не обрела) реальность. Реальное –

²¹ Свасьян К.А. Гёте. – М.: Мысль, 1989. – С. 112

это живое. Ожившее (растущее, цветущее, пробуждающееся) – это воплотившееся. Вся реальность есть событие оживания (прорастания, расцветания, пробуждения). Оно же – событие воплощения. А значит, - проявление, выход к свету (как выходит на свет распускающийся цветок). Жизнь, реальность как живая – это и есть событие явления, первоявления. Созерцание этого события оживания, - условно «методологически» противопоставлено у Гёте умертвляющему познанию. Живое невозможно поймать в сачок. Нам только кажется, что мы ловим и держим при себе живое. На самом деле, то, что мы поймали; то, что мы будем исследовать; то, что соответствует нашим подходам и методам – мертво. Это не есть сама реальность, но только её труп. С трупом действительности имеет дело естественная установка. Живое нельзя увидеть в лабораторных условиях. В мёртвом, статичном состоянии оно не бывает – это не само оно. Отдельный фрагмент жизни нельзя обособить, нельзя абстрагировать в отдельное и вставить в качестве звена в цепь закономерностей (бабочка есть бабочка только на воле). Само живое открыто в необособленности и неопределенности созерцания «всего живого» (или отдельного живого события или живого существа как «живого», как проникнутого внутренним органическим принципом существования). В единстве и органической целостности явления Жизни, являющегося во всём живом.

В этом смысле, опыт первоявления есть опыт видения вольного превращения и перевоплощения органических форм жизни. Изменяющихся, подвижных, переходящих из одной формы в другую – но сохраняющих один образ – образ воплощенности – силы, действующей за всем меняющимся. Символическая реальность является в движении, воплощается в перевоплощениях, обращается превращениями. Его нельзя схватить как статичный факт, но можно созерцать как метаморфоз. «...В связи с изучением метаморфоза у Гёте начал вырисовываться образ «прарастения» ... Гёте склонен был рассматривать метаморфоз однолетнего растения, развитие особи от

семени к семени как символ развития индивидуума вообще. Так он интерпретировал идею своей книги “Опыт объяснения метаморфоза растений”»²².

Метаморфоз – не закономерность и не принцип, но скорее – образ, символ проявлений и действий жизни, её манера и стилистика. То, как она выглядит, когда мы видим её живой, в непосредственной среде существования. Зарисовка её ускользающего и изменчивого образа. Единый облик многообразия её выражений и лиц. Подвижная форма, органически сплетённая из всех своих превращений и преображений. Воплощение воплощенности рисует себя в перевоплощениях. Эти перевоплощения значимы сами по себе, как общая форма существования, безотносительно к отдельным случаям. Всё сущее существует как перевоплощающееся. Сам этот факт – и есть предмет созерцания. Сама метаморфичность (метаморфозность) жизни. Всё сущее подобно перворастению – оно существует оживая, вырастая, расцветая. И в этом смысле, оно есть индивидуальность – оно рождается, становясь живым, и живёт, перевоплощаясь из облика в облик, из состояния в состояние.

Поэтому жизнь вообще, жизнь-сила, жизнь как явление, — это и индивидуальная человеческая жизнь тоже, с её метаморфозами и воплощениями. Жизнь-сила, жизнь как онтологическая стихия, проявляется, реализуется, действует в потоке событий и переживаний отдельного человека, как всё происходящее с ним и им воспринимаемое. То есть, моя жизнь в самом простом, биографическом смысле, и мой путь – это и есть жизнь вообще, реальность как сила жизни. Всё пережитое и увиденное мною – опыт как таковой, воплощенность всего сущего. Я сам не есть психологическое «я», локализованное в отдельном теле и образующее вместе с ним отдельного индивида, но – сама жизнь, пробуждающаяся, прорастающая, расцветающая во мне сила.

²² Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Ленинград: Наука, 1970. – С. 238

О.А. Седакова в работе «Символ и сила: гётевская мысль в «Докторе Живаго»» описывала это, обращаясь к работам Карла Кереньи, через различения, проводимые греческим языком. Русским словом «жизнь» переводятся два греческих слова – *zoe* и *bios*. «К. Кереньи описывает эти два смысла так: *zoe* – это жизнь бесконечная, никак не охарактеризованная, полностью противопоставленная смерти, сама стихия или сила жизни, «нечто такое, что не подпускает к себе смерти»; *bios* – жизнь конечная, характерная, включающая в себя свою смерть. Это греческое различие отчасти передают церковно – славянское животь (*zoe*) и житие (*bios*)»²³.

Жизнь-*zoe* проявляется, является в жизни-*bios*. Это её внутренняя сила и суть, творящая и преображающая её, делающая её самой собой. Сила бессмертия, противостоящая смертности, мёртвости, умиранию («живот вечный»). Сила бессмертия, вспахивающая поле смертности, сеющая и возвращающая себя на нём. Жизнь-*bios*, жизнь-биография, тот я, который родился, пожил и умер, и всё случившееся со мной между двумя датами, – есть действие, деятельность (*Tatigkeit*), вложенной и применённой здесь онтологической силы (бытийной мощи – *Macht*).

Реальность воплощается, становясь реальностью. Воплощение существует как осуществившееся. Ставшее действительностью – действующая и деятельная сила и растущая и распускающаяся Жизнь-*zoe*. Реальность – воплощается – вырастает, прорастает. Воплощение есть оживание и расцветание. А значит – преображение, возрождение и воскресение. Ожившая действительность – воскресшая из смерти. Жизнь-*zoe*, жизнь-бессмертие, одолевшая смерть и развернувшаяся на просторе жизни-*bios*. Воплощение – это спасение. Воплощенная реальность – спасённая, выкарабкавшаяся из мёртвого. Воспрявшая духом – одухотворённая, возвышенная, оторвавшаяся от земли. Воплощение осуществляется по вдохновению. Реальность есть сущее, проникнутое вдохновением.

²³ Седакова О.А. Апология разума. – М.: МГИУ, 2009. – 2009. – С. 50

Спасённое сущее – вдохновенное существование. Этот проникающий дух Гёте называл Гением. Гениальное – сущее, ставшее реальностью, то есть, ожившее, одухотворённое. Он, буквально, вписывает гениальное в свою онтологическую «иерархию», открывая его в точке воплощённой, осуществлённой реальности. «Кирпич срывается с крыши, мы называем это в обычном смысле случайным явлением; он ударяет в плечо прохожего – механически; однако, не вполне механически, он следует закону тяготения и тем действует физически. Разорванные живые ткани сразу перестают действовать, мгновенно соки действуют химически, выступают элементарные свойства. Однако повреждённая органическая жизнь так же быстро сопротивляется и стремится восстановиться. Тем временем человеческое целое более или менее бессознательно и психически потрясено. Опомнившаяся личность чувствует себя этически глубочайше уязвлённой, она жалуется на нарушение своей деятельности, какого бы рода она ни была, но человек неохотно предаётся терпению. Напротив, религиозно ему становится легко приписать этот случай высшей воле, смотреть на него как на сохранение от большей беды, как направление к высшему благу. Этого достаточно для страждущего; но выздоравливающий поднимается до гениальности, доверяет Богу и самому себе и чувствует себя спасённым»²⁴.

Гениальное располагается внутри самой реальности, в отличии от этического и религиозного, которые со стороны оценивают и объясняют происходящее. Для этики и религии, спасение – цель и желаемый результат деятельности, которого можно добиться, следуя соответствующим правилам и методам. Для гениальности спасение – это наступившая реальность. Торжествующая, не стесняющаяся себя, ничего не таящая и не скрывающая. Почувствовавшая себя уверенно и утверждающая себя действительность происходящего и

²⁴ Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Ленинград: Наука, 1970. – С. 193

являющегося. Воплощённое – это «доверяющее Богу и самому себе и чувствующее себя спасённым».

Онтологическое понимание гения и гениальности оттеняет в философии Гёте онтологическое понимание поэзии и поэтического. Поэзия – не «писание стихов», не одно из ремесленных подразделений искусства, заключающееся в умении рифмовать слова, владеть языком и его изобразительными средствами. И вообще, – не один из способов ли умений овладеть действительностью. Поэзия – сила лирики, «лирическая стихия». Лирика – форма жизни и восприятия жизни. Не отдельный вид деятельности и не ряд явлений. Но то, что присутствует во всём как одна из общих черт реальности. Всему, любой вещи свойственна своя лирика. У сущего в целом, у мира есть лирическая сторона, лирическая суть. Во всём звучит лирический мотив. Мотив спокойный, ясный и уединённый. Мотив прощения и принятия, раскрывающий всякое событие и вещь как явление самобытное и говорящее от себя. Опыт, сторонящийся более всего общих утверждений и оценок, и раскрывающий всю красоту жизни из мимолётного, незначительного и случайного. Из мгновения, из короткого и необязательного впечатления, мысли или чувства. Это слово, дающее голос вещам. Звучащее, чтобы дать звучать событиям и явлениям. Когда каждое из них выходит на первый план, становится как бы живым существом, главным героем. «Гроза», «город», «влюблённость», «тоска» перестают быть знаками, свойствами, качествами чего-то, но сами обретают собственный голос, говорят от себя, выражают себя. Лирическое – свобода воплощенности, щедрость и великодушие. Лирика сама есть свобода, переполненность свободой. И она дарит, раздаёт свободу вещам, событиям и людям. оставляет их быть самими собой, даёт им слово. Лирика жизни – дар быть свободной и лёгкой. А потому – способность дарить свободу и вдохновение самовыражения всему живому. Не навязывать ничего ничему, и всё оставлять в

естественной несвязности (неповязанности). Дарить всему спонтанность и самостоятельность проявления и формы.

Поэтическое слово – передаёт себя реальности, и оставляет ей, тем самым, быть собой – быть воплощением – являться нам и говорить с нами. Поэтическое слово – это, в сущности, есть Слово как таковое. Слово – поэтично. Слово – высвобождение реальности из сущего, распускающаяся свобода. Пробуждающийся порыв к тому, чтобы всё оставить самим собой и всему быть таким, какое оно есть. Порыв к принятию, прощению, примирению, а значит – к оставлению всего лишнего. Слово очищает существование, как от шелухи, от старых, сухих, мёртвых наслоений. В Слове приходит обновление. Остаётся в прошлом весь тяжёлый груз – вся усталость и уныние. Конечно, онтологически (то есть, по простоте, легкости и естественности) первое поэтическое слово – это Слово, Евангелие. В нём – поэзия в чистом виде. То есть голая лирическая стихия, лирическая сила – без примеси какого-либо «искусства», мастерства, жанра или стиля. Поэзия, воплотившаяся совсем без помощи «писания стихов». Как будто человек сел писать стихи совсем не умея этого делать, имея для этого только содержание, материал, лирическое состояние, лирическое мировосприятие. Неразбавленный ничем, рафинированный сгусток тихой лирической истины. Концентрированная ненавязчивость, открытость и простота. Уязвимость и обнажённость, явившиеся во всей наивной полноте выражения. И тем – принеся освобождение всему человечеству. Евангельское Слово, в самом себе, в своём веществе, в своей материи, включает освобождение всей жизни от запутанности и тяжести греха. Освобождение единое и необратимое – сразу на всё существование. Вверх от земли.

Более ясно такое понимание поэтического сформулировано Гёте в автобиографической книге «Поэзия и правда»: «Истинная поэзия возвещает о себе тем, что она как земное евангелие, умеет освободить нас от тяготеющего над нами земного бремени своей внутренней

ясностью и внешней согласованностью. Как воздушный шар, она поднимает нас вместе с нашим балластом в горние сферы и показывает нам перепутанные земные пути с высоты птичьего полёта»²⁵.

Евангелие – воплощенное вдохновение. Плоть (тело) вдохновенности, воздушного, взлетающего существования. Направляющая и придающая ускорение переходу всей человеческой жизни из рабства в свободу, из ползучей, шаркающей тяжести – в окрыленность, в полёт. Всё живое заряжено внутренним евангельским мотивом – оторваться от земли. Ожившее сущее – взлетевшее, расставшееся с собой, потерявшее вес, преодолевшее вязкую и тягучую силу земного притяжения.

Поэзия продолжает Евангелие, «снимая тяжесть и путаницу, гнёт, прибывающий человека к земле, и освобождая его для высоты и ясности»²⁶.

Высота и ясность – две характерных и содержательных черты Слова. Не как предметы, но как качества или свойства, приносимые в жизнь поэзией. Черты, по которым мы можем опознать (узнать, встретить) случившиеся освобождение.

Высота – чисто онтологическое положение. Это не нравственный и не интеллектуальный уровень, но скорее – просто место, которое я занимаю относительно себя прежнего. относительно всего, чем был я раньше, и чем раньше было всё, всего прежнего миропорядка... Я не участвую более в этом, не живу среди этого, это утратило смысл для меня. Это больше не действует, не имеет силы, перестало быть действительностью. Я был среди этого, и не видел, а теперь оставил, отпустил, покинул всё это – и вижу с высоты полёта души. Вижу все «перепутанные земные пути», среди которых блуждал, не разбирая начал, концов и направлений. Поэтому высота поэтического Слова неотделима от ясности. «Христианство – это ещё

²⁵ Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Ленинград: Наука, 1970. – С. 414

²⁶ Седакова О.А. Апология разума. – М.: МГИУ, 2009. – 2009. – С. 91

и освобождение от какой-то тяжёлой тайны, от непрозрачности. Вся основа жизни открыта. Скрывать нечего. Подглядывать некому»²⁷.

С высоты мы видим всю картину жизни в целом, а не движемся в отдельной колее по заданной траектории. Пока мы на земле, пока мы смотрим на всё из ограниченности, под определенным углом зрения, нам кажется, что всё, что за пределами взгляда – загадка. Мироззрение, система представлений о мире, и само, коренное, представление о пред-стоящем нам мире (в общем, весь мир «естественной установки») – рождается из гипостазирования ограниченности нашего взгляда. Мы не можем увидеть весь путь в целом – и потому домысливаем трансцендентные и отвлеченные начала и концы – законы, принципы и субстанции. Вещественная, телесная суть этой ограниченности – *тяжесть*. Это какая-то *тяжёлая* тайна, возникающая вместе с неспособностью взлететь. Ограниченность взгляда – это отягощённость смотрящего. Это не проблема, решаемая психологическими, эпистемологическими, практико-аскетическими, или ещё какими-то средствами. Это *псевдоонтологическое* положение, которое устанавливается независимо от нас (если говорить о христианстве, это – грех, наша вторая природа, которая на самом деле не наша). И которое, также независимо от нас, преодолевается действительным онтологическим положением – на высоте, в полёте. Со свойственными этому положению великодушием и щедростью. «Открыть то, что было скрыто, – значит, по существу, отдать его»²⁸.

Ясность видения неотделима от высоты полёта. Встреча с первоявлением означает (является знаком) освобождения и спасения. Первоявление являясь, освобождает и спасает. И свидетельствует о спасении. Символ выражает реальность, которая и есть он сам. В воплощении воплощается сама воплощенность.

²⁷ Там же. – С. 92

²⁸ Там же. – С. 92

Так, поэтический образ реальности (а значит, поэтический «метод» философствования о ней) возвращает нас к пастернаковскому пониманию реальности как Слова и слова как Реальности.

Глава 2. Истолкование реальности в поэтической онтологии Б.Л. Пастернака: Воплощение

«Основным духом моих опытов или стремлений (никакой философии у меня нет) стало понимание искусства или творческого воплощения и вдохновения как жертвы сосредоточенного самоотвержения, в далёком и скромном подобии Тайной вечери и Евхаристии – то, что образная сторона нашей культуры, герои и лица европейской истории в определенном смысле представляют собой некоторое подражание Иисусу Христу или тесно с ним связаны и что Евангелие – основа того, что называется царством словесности и реализма»²⁹.

Освобождение – реальность, осуществившийся факт. Слово уже воплотилось, оно само есть воплощение. Тайна воплощения – в созидательной, творческой силе Слова. Это реальность, являющаяся выражением самой себя. Она сама есть высказывание о себе самой. Её существование – чистая актуальность, осуществленность. Слово возвещает о спасении, это весть о грядущей, новой жизни. Но это спасение и эта новая жизнь – не что-то внешнее по отношению к Слову – но это и есть оно само. Новость, в данном случае, не отдельна от того события, о котором она рассказывает. Сама новость – и есть это событие. Освобождающая и преображающая сила Слова в нём самом, в новости об освобождении и преображении. Весть о воскресении из мёртвых всего живого – сама совершает это воскресение. Весть сама делает то, о чём возвещает. Делает самой собой, самым возвещением. Слово одолевает смерть вестью о том,

²⁹ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово/Slovo, 2004. — С. 412

что смерти нет. Евангелие само и есть то событие, о котором оно повествует. Само и есть та жизнь, которую оно описывает. Онтология Евангелия – это онтология в самом простом смысле – онтология, которая сама есть и «сущее», и «слово». «Слово о сущем» как событие преобразования сущего в Слово. «Слово о сущем» которое само и есть сущее. Единственно реальное, то есть воплощенное сущее. Слово, возвестившее о том, что сущее, о котором оно возвещает в событии Вести (то есть, в нём самом, в воплощении Слова) само стало словом, стало Воплощением, – что оно (сущее) само есть Весть.

Это онтология Реальности как воскресения и воскресения – как вести о воскресении. Реальность – это весть о победе жизни над смертью. Воплощение реальности – повествование об этой победе. Онтология реальности, которая (реальность) сама есть онтология – описание чего-то, *что* случилось где-то за пределами нашего схватывающего внимания, *о чём* мы узнаём по тому, как оно действует и проявляется уже в пределах этого внимания, во времени (внимания). Рождение – это воскресение. Сущее, в которое вторгается жизнь-зое. Вдохновляет и освобождает для жизни – для утверждения самой себя, для высказывания о себе. Это высказывание – весть о воскресении – вся жизнь-bios. Разворачивающийся во времени путь происшествий, мыслей, смыслов, знаменующих собой то первое, ускользнувшее от внимания событие – воскресение. Мы не можем успеть застать его, но оно случилось. Мы узнаём о нём, когда чувствуем его силу, когда видим, что всё, происходящее с нами, - его проявления, его рассказ о самом себе.

Так описывает само себя евангельское Слово. Его сюжеты и образы – черты Реальности-Воплощения, Реальности-Слова. Благовещением и Рождеством вторгается Слово в мир. Оно же – воплощающееся воплощение. Оно же – бессмертие. Вопреки всем злополучным законам и причинностям, вопреки всему унынию, Слово вторгается в обстоятельства и оживляет всё. Сущее

оказывается цветущей и неподдельной реальностью. Это – рождение Живого. Воплощение Воплощенности. И далее, всё евангельское повествование – это как бы объёмное и разнообразное самовысказывание Слова. Так, что в каждом отдельном сюжете присутствует вся полнота Сказанности Слова, в каждом отдельном воплощении – сама вторгшаяся в мир Воплощенность. Каждая встреча с Христом, в каждом отдельном фрагменте – это Благовещение и Рождество в самом полном смысле, вся концентрированная суть Явления. Рождество как сила рождения (возрождения) вложена в каждый отдельный момент жизни, и жизнь – это череда таких, выражающихся в разных обстоятельствах рождений. Воплощенность, воплощающаяся в перевоплощениях. Слово, сказывающееся в повествовании. И в каждом отдельном слове – во всю мощь словесности (и в каждом событии – во всю мощь реальности – «Евангелие – основа того, что называется царством словесности и реализма»).

В поздних письмах Пастернака с образной точностью сформулирована самая общая метафизика *Вторгающегося в сущее*, воплощающегося сущего. В двух письмах, Ст. Спендеру и Ж. де Пруайар, он, в самых общих чертах, описывает мироощущение, переданное им в «Докторе Живаго». В письме Ст. Спендеру от 22 августа 1959 г. Пастернак говорит о том, чем отличается его реализм от реализма классического психологического романа 19 века. Во второй главе мы будем подробнее говорить об этом. Сейчас важно, что различия стилистические, в данном случае, определяются различиями онтологическими – теми силами, действия которых изображены в романе. Различиями в способе восприятия действительности и в том целостном образе, который они запечатлевают. «Если бы мне надо было нарисовать широкую картину живой действительности, я не надеялся бы подняться до высот объективности, подчёркивая статику судьбы, естественных законов и нравственных установлений. Чтобы достичь верного

сходства подражательных приёмов искусства и живого реального пережитого опыта, недостаточно передать своё представление в мгновенном движении. Я бы представил себе (метафорически), что видел природу и вселенную не как картину, неподвижно висящую на стене, но как расписанный холщовый тент или занавес в воздухе, непрестанно колышущийся и раздуваемый каким-то невещественным, неведомым и непознаваемым ветром»³⁰.

В письме Ж. де Пруайар от 20 мая 1959 г. Пастернак тоже говорит об этом цельном образе Реальности, о его динамичности и внутренней связности всего со всем. А также, о *внешнем* (!) источнике этого внутреннего движения, оживания и преобразования. Об остающемся неведомым, неопределенным и неопределяемом Ветре. Приходящем из ниоткуда и уходящем в никуда. Ускользящим и уносящемся, – и заставляющим всё живое быть живым – ускользать и уноситься. «У меня всегда было чувство единства всего существующего, связности всего живого, движущегося, проходящего и появляющегося, всего бытия и жизни в целом. Я любил всевозможное движение всех видов, проявление силы, действия, любил схватывать подвижный мир всеобщего круговращения и передавать его. Но картина реальности, в которой заключены и совмещаются все эти движения, всё то, что называют «миром» или «вселенной», никогда не была для меня неподвижной рамой или закреплённой данностью. Сама реальность (всё в мире) – в свою очередь, оживлена особым волнением, иного рода, чем видимое, органическое и материальное движение. Я могу определить это ощущение только при помощи сравнения. Как если бы живописное полотно, картина, полная беспорядочного волнения (как например, «Ночной дозор» Рембрандта), была сорвана и унесена ветром – движением, внешним по отношению к движению, изображаемому и видимому на картине. Как будто это вихрь, вздувая

³⁰ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово/Slovo, 2004. — С. 523

полотно, заставляет его вечно улетать и убегать, постоянно ускользая от сознания в чём-то самом существенном»³¹.

Эти два фрагмента, я думаю, можно рассматривать в качестве более или менее определенной теоретической рамки феноменологии воплощения. Так сказать, схематического, рукописного карандашного наброска Реальности. Во второй главе я попробую заполнить его акварелью непосредственного опыта. А пока просто опишу несколько самых общих черт, очерченных этим наброском.

Итак, картина Реальности не статична и не определена. Виды и положения на ней не закреплены. События и значения не связаны в необходимую связь, но двигаются и развиваются свободно, как в прозрачной и просторной среде – в самой Событийности, равной самой Значительности, поддерживаемой и вдохновляемой внезапно возникающим, и также внезапно ускользающим Ветром, или Вихрем. Жизнь как сила, жизнь-бессмертие проникает в жизнь как поток опыта (череду событий и переживаний). Жизнь-bios наполняется жизнью-zoe. Освобождающим вихрем, вольным, живущим своей непостижимой логикой («дух веет, где хочет»), облегчающий и вздымающий всё, чего касается. Подхватывающий и уносящий, подбрасывающий всё сущее вверх, для полёта и вольного движения.

Метафора вихря, внезапно вторгающегося и преображающего, раскрывает важную теоретическую особенность феноменологии Реальности как воплощенной. Действительность «сорвана и унесена ветром – движением, внешним по отношению к движению, изображённому и видимому на картине». То есть, картина реальности на каждом отдельном фрагменте имеет и собственное движение – это ещё не вихрь освобождения. Спасительный ветер подхватывает и уносит действительность в целом, – всю картину, а не отдельные этюды. И вот по отношению к движению в отдельных этюдах, этот вольный ветер – внешняя сила, трансцендентная, иномирная. Но в

³¹ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово/Slovo, 2004. — С. 490

отношении реальности в целом – сила, проникающая и захватывающая. Преображающая действительность изнутри, из самой сути. Отдельный фрагмент реальности – это обособление, абстракция. В живой действительности нет отдельных мест, но есть только она сама – цельное органическое тело Жизни. И вот априорно, в отношении к абстрактному существу, в пределах обособляющего восприятия, ветер вдохновения и спасения – трансцендентен. Но апостериорно, по факту, в опыте оживающего явления реальности, в восприятии воплощения – имманентен. Гипотетически, теоретически – трансцендентная сущность. Реально, в опыте – явленная, действующая и преображающая сила. Освобождающий и вдохновляющий ветер – не абсолютный дух, не скрытый закон мира, не вечная субстанция, необходимо присущая всему. Но – внезапно наступающая и обновляющая сила. Не трансцендентная и не имманентная, но – трансцендентная, становящаяся имманентной. Прорывающая границу. Вторгающаяся, врывающаяся в мир. Трансцендентное и имманентное, сами по себе, в чистом виде – абстракции. В опыте живой действительности мы можем встретиться только с ворвавшейся в мир, обновляющей мир, силой; и с миром обновлённым, преображённым, спасённым. Это не то, что было всегда, но то, что совершилось буквально только что. То, что влетело в нас, обрушилось, свалилось нам на голову (вспомним Гёте и его «Der Fall nach oben»). Представим мир как ограниченное пространство (не в физических размерах, а сущностно ограниченное – иным миром, трансценденцией; границами осознания и восприятия), наподобие комнаты – тесной, душной, с тяжёлым и старым воздухом. И представим, что в дверь этой комнаты, силой распахнув её, ворвался с улицы свежий ветер. Где локализован ветер в этот момент? Он и снаружи, и внутри одновременно. И трансцендентен, и имманентен. И там, и здесь. Потому что его суть и существование в том и заключается – в переходе. Не быть там или тут, а проникать оттуда сюда. Воплощаться – входить в плоть.

Входить именно как вторгаться – быть здесь, оставаясь трансцендентным, оставаясь иномирным.

Путь Пастернака – не от слепоты к видению, а от видения к способности выразить его. Вся работа моя в дальнейшем будет, я надеюсь, более и более прояснять смысл различия между видением как состоянием, в котором ты оказался и видением, как событием, которое произошло с тобой. Пока что, просто отмечу, что философски, одно из различий – видение это когда субстанциален видящий, а видимое акцидентально, а видение это когда видимое субстанциально, а видящий акцидентален. Видящий в видении – счастливчик, а видимое – чудо. Философию Пастернака я назвал бы в этом смысле метафизикой видения (антропологией «счастливчика») – одного сюжета (одного сна, одной, услышанной легенды), однажды увиденного, и приковавшего взгляд всю жизнь. Однажды, и на всю жизнь пораженный действием живой реальности, он пишет, говорит и думает о ней и внутри неё. Эта пораженность расстилается вдоль всей его жизни. Реальность для него – это воплощение. Она действует, проявляет себя у него на глазах.

Чем же отмечена встреча с реальностью? Каков характер (её) воплощения?

Время и место первого такого проявления – Марбург, лето 1912 года. Пастернак здесь учиться философии и должен был в то лето определиться со своим будущим – Г. Коген предлагал ему продолжить философскую работу. И одновременно, он делает здесь предложение своей первой любви – Иде Высоцкой. И получает отказ. И сам отказывает – Г. Когену. Эти два отказа сплетены, завязаны в один узел, распутыванием которого будет заниматься Пастернак всю жизнь, вплоть до самой развязки – до «Доктор Живаго». Именно здесь, в Марбурге 1912 года, впервые мысль поэта закручивается в такт с внутренним мировым движением. Он втянут в спор, конец которому положит в «Докторе Живаго». «Там будут найдены и даны

имена всему тому колдовству, которое мучило, вызывало недоумения и споры, ошеломляло и делало несчастным столько десятилетий»³².

В сердцевине этого зачаровывающего, захватывающего «колдовства», овладевшего мыслью юного марбургского философа, – женственность. Об этом пишет он сам в письме Александру Штиху от 17 июля 1912 года. В одном письме, сразу о двух событиях – об объяснении с Высоцкой (и «столкновениях» с сёстрами – родной Жозефиной и двоюродной Ольгой Фрейденберг) и об уходе из философии. Как связаны два эти события? Связаны напрямую. Они оба – встречи с женственностью. Две встречи с двумя явлениями одной и той же онтологической сути. Женственность воплощается здесь как бы в двух лицах – в лице возлюбленной, и в лице всей жизни, всего сущего.

Образ девушки, в котором проявляется образ воплощенной реальности; и образ реальности, который проявляясь, обретает черты девушки. «...Она приехала в Марбург сказать мне... – что я прав, что было необдуманно, не испытывая того же, что и я, вырастать так долго вместе – и что надо расстаться – она видела меня таким – и Боже мой, какую нежность, как её основу, узнал я тогда случайно в ней»³³.

«Её», в данном случае, – и «жизни», и «Иды». В ней – «в жизни», и «в Иде». Нежность – основание жизни, которое узнаёт Пастернак в своей возлюбленной. Действующая в ней и через неё сила. В ней (и в Иде, и в жизни) раскрывающаяся и проявляющаяся. Она – источник Нежности, переполняющей и разливающейся. Сама Реальность – источник нежности. Женственность отзывается, отражается в человеке как нежность (как переполненность

³² Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 5. Письма / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1992. – С. 541

³³ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 5. Письма / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1992. – С. 65

нежностью), в соответствии с описанной нами в первой главе творческой формой – реальность формирует, лепит человека, его чувства, мысли, его восприятие. И она сама наполняет его тем, чем он будет открывать и постигать её (реальность). С помощью чего он только и может иметь отношение к ней. Сама выращивает в нём орган её восприятия. Нежность - орган восприятия реальности (то есть, органическая часть единого тела реальности-восприятия).

Пастернак встречается здесь с женственностью как обликом сущего. «Но Ида, Жоня, Лена! ...Ты не читай собственных имён! Это-то ты должен понять! Это не интеграл! Я оборвал свои занятия. Я не знаю философии. Если я бросаю её, то, ничуть не надеясь этим вернуть себе утерянную связь! Но я гнушаюсь тем трудом, которого не знает, не замечает, в котором не нуждается женственность... И так дики мне мои Когенианцы»³⁴.

Женственность – сама действительность, её суть, её характер, её манера действия и проявления. Её способ жить. То, что противостоит женственности – противостоит действительности, подлинности, невыдуманности происходящего. Оно не неправильно или некрасиво, но, в первую очередь, - неорганично, неестественно. Грубость, пошлость и прямолинейность мысли, порабощающие женственности и подчиняющие её себе, своей власти, своей логике, - противоестественны. Они порабощают и подчиняют себе саму жизнь. Однозначность, определенность, ограниченность восприятия – неорганичны нам самим и всему происходящему с нами.

В этом смысле, отказ Пастернака от Когена и карьеры в Марбурге – отказ от систематической, «школьной» философии как слишком грубого, слишком прямолинейного видения реальности. Спрямяющего и огрубляющего её свободное проявление. Исключающего из неё всю ошеломляющую остроту, – новизну и

³⁴ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 5. Письма / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1992. – С. 66

уникальность, и оставляющего только то, что может быть материалом для построения системы представлений – мировоззрения.

Нежность – естественна, она сама действует в нас и через нас проявляется. Грубость – подавляет это действие и проявление. Грубость мысли, грубость мировосприятия – подавляет женственность, не знающую меры и не выбирающую выражений. Ограничивает её, определенностью и однозначностью своих представлений. Ограниченностью представления вообще – как формы восприятия, противостоящую широте. Грубость – слепота по отношению к женственности реальности. Нежность – зрячесть, осязательность.

Эта специфическая восприимчивость открывается и действует в безоружном человеке. В разоруженном состоянии. Беззащитность женственности не случайна, не ситуативна, но органически, сущностно свойственна ей. Беззащитность – суть реальности, одно из её имён. Но именем женственности уточняется здесь также и то, что это не статическая беззащитность, а действующая, говорящая и ожидающая ответа. Идущая навстречу. Открытая восприятию и вниманию. Женственный облик реальности – это облик, имеющий взгляд. Даже, может быть, это в первую очередь, глаза, раскрытые навстречу ответному взгляду, вопрошающие, зывающие. Взгляд глядящий, и (тем самым) воздействующий собой, являющийся выразительным жестом. Безоружность женственности является, это безоружность-воплощение. Онтологическая сила, воплощающаяся безоружностью. Безоружность для неё – способ явиться, выражение глаз, жест. Она открывается и встречается, в свою очередь, только тому, кто смотрит. Встречному взору. Встречным глядящим глазам. Взгляд ко взгляду. А значит, она встречается только тому, кого обезоруживает. Тому, кого заставляет глядеть. Тому, кто сам становится *смотрящим взглядом*. Тому, кого разоружает, вынуждает сложить оружие. Тому, кто сам становится беззащитным, сталкиваясь с ней. Явление льнёт к явлению. Явление открывается только

явлению. То, о чём говорили мы в первой главе – явление самой явленности, это встреча явления с явлением (оно же есть символ – встреча, «край в край», осколок к осколку). Явленность как опыт – это явление, явившееся другому явлению, встреча двух явлений.

Опыт воплощенности – это воплощение, открывшееся ответному воплощению (плоть к плоти). «Творческое воплощение», осуществившееся человеком – это отклик на воплощённость самой Реальности. Разоружение, отвечающее её безоружности. Опыт воплощения воплощенности – это единство взаимообезоруженности. Реальность как воплощение воплощенности встречается «творческому воплощению» – событию восприятия Реальности.

Как личностный феномен оно есть жертва («жертва сосредоточенного самоотвержения в далёком и скромном подобии Тайной вечери и Евхаристии»³⁵) – то есть, воплощение себя (разоружение, сложение оружия, отказ от защиты), разомкнутость восприятия навстречу Реальности (опыту – испытываемому и переживаемому).

Любовь обезоруживает человека, вытаскивая его из метафизической слепоты и немоты к видению и речению, в «царство словесности и реализма». Эта новая реальность узнаётся и испытывается опытом жертвы. Жертва – индивидуальная (личностная) неизбежность разоружения. *Тот, кто* любит – уже закручен в урагане воплощения, то есть, - уже глядит и уже встретил Взгляд. Уже стал уязвим и уже встретил саму Уязвимость. Наверное, самый лирически точный образ влюбленного человека как жертвы (в описываемом нами, онтологическом смысле) – агнец. *Тот, кто* вошёл в пространство уязвимости/нежности – как бы вышел на заклание.

Марбургский опыт Пастернака (лирический опыт героя «Марбурга» и «Охранной грамоты») – это агнец, идущий на заклание.

³⁵ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово/Slovo, 2004. — С. 412

Ушедший из прежнего мира – насилия и грубости. «Конец, конец! Конец философии, то есть какой бы то ни было мысли о ней. Как и соседям в купе, ей придётся считаться с тем, что всякая любовь есть переход в новую веру»³⁶.

Переход в безоружность, переход в нежность. Об этом – размышления Пастернака из 3 главы 2 книги «Охранной грамоты». Здесь он говорит о том, как проходит человек через встречу с женственностью. Как ошибаясь, впадая в отвлеченные крайности, открывает он опытным путём тропу нежности. Как нащупывает осязанием души возможность осторожных и мягких *касаний* реальности, вместо той хватки, которой он привык (был приучен) её держать. Как преобразается и воскресает он в этой встрече. И как возникает выразительная сила этого преобразования и воскресения, – искусство. «Оно интересуется не человеком, но образом человека. Образ же человека, как оказывается, – больше человека. Он может зародиться только на переходе от мухи к слону»³⁷.

Человек – вязкое, тягучее, не дающее и не имеющее хода существование. Образ человека – образ перехода, образ освобождения. Встреча с женственностью даёт ход. Любовь открывает в нас точки перехода – «мух» и «слонов». Обезоруживающее явление женственности открывает последний, самый предельный и отчаянный вид вооруженности – «ощущение нашей мушинной пошлости». Ощущение, от которого гибли и гибнут молодые (и не очень) люди. Ощущение, которое само и есть – гибель. Самоощущение смерти в нас. Последняя, но самая сильная и опасная судорога смертельного в человеке.

³⁶ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 4. Повести; Статьи; Очерки / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 186

³⁷ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 4. Повести; Статьи; Очерки / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 179

И оно же, обезоруживающее явление женственности, открывает в нас избавление и освобождение от этого смертельного ощущения.

Нам представляется, что творческий путь Пастернака описывает это освобождение, и закручивается вокруг этого перехода. Вокруг образа реальности как образа человеческого существования, и вокруг образа человеческого пути как творческого воплощения, то есть – образа перехода.

Для начала я выделю несколько особенностей позднего пастернаковского творчества и его главного романа, сближающих его с тем мироощущением, которое лежит в основании этой работы, которое она выражает.

Сначала о стилистических – о близости настроений и интонаций, замыслов и мотивов. Считается, что роман Пастернака завершает его творческий путь и является главной работой его жизни, «последним словом». Так понимал книгу и сам автор. Нам представляется, что эта «творческая эсхатология» имеет и другие смыслы, и возможно, он тоже имел их ввиду. Когда мы говорим нечто самое важное, самое близкое, пытаюсь выразить какое-то общее впечатление от жизни, подвести итог виденному и слышанному, мы всегда говорим это как бы в последний раз, в качестве «последнего слова» (то есть, заканчивающего, завершающего, оформляющего восприятия и мысли). «Доктор Живаго» — это завершающая работа Пастернака не потому, что написана им в конце биографии, а потому, что является предельным выражением беспредельности жизни. Конечностью, оформленностью слова о бесконечной (не укладываемой в формы) – реальности. Слова, завершающего, закругляющего поток переживания, узнающего в нём Целое. В этом смысле, любое конечное слово о бесконечной сути, открывающейся во мгновении – последнее слово. «Смерть», в таком случае – символ конечности сказываемого. То, что не даёт и не даст объять представлением единство потока жизни, ощущаемое интуитивно. То, что не даёт продлить во времени, закрепить за собой виденное,

воспринимаемое, мыслимое, и толкает высказать это всё прямо сейчас. Успеть увидеть и сказать. Спешить видеть и выражать виденное. Настроение работы Пастернака и нашего философствования – спешка выражения, стремление успеть запечатлеть ускользающее мгновение счастья открытий и тайн. У меня мало времени на высказывание не потому, что я ощущаю приближение смерти, а потому, что чувствую её непосредственное присутствие в ограниченности выражения и безграничности выражаемого. Оттого на первый план выходит именно само слово, его действительность, его сказанность, а не то, как оно сказано. Прямота и открытость данного и возможность ясного выражения. Поэтому «Живаго» так стилистически небезупречен, так судорожно тороплив, и кажется, будто написан в пренебрежении к форме. Множество героев и сюжетов, одни, кажущиеся не важными, возникают и появляются снова, другие, описанные так, будто должны иметь продолжение, однажды возникнув, исчезают и больше не появляются. Эта необязательность фактов напоминает о естественном устройении жизни, события которой не делятся на важные и не важные, и не ориентируются на ту или иную интерпретацию.

Я думаю, что небрежность стиля отражает сумбурность, спешку успевающего за движением реальности – восприятий, чувств и мыслей. Короткие главы (стихи в прозе) – не обстоятельные описания ситуаций и героев классического романа, но скорее, заметка из газеты, новость, которая должна коротко выразить самую суть происходящего. Только эта «самая суть» очень многообразна, как сама действительность, и зачастую, это не сюжетные вехи или большие идеи, а случайные впечатления и мысли. И здесь в помощь Пастернаку приходит поэтическая прозрачность языка. Глава «Живаго», как правило, это мгновение из жизни, момент, в котором, Юра или Лара, встречая какое-нибудь необычайное (или самое обыкновенное) состояние окружающего мира (запахи, цвета, люди и т.д.), видят в этом мгновенном впечатлении загадку жизни и смерти,

обаяния женственности, тайну любви к людям и связанности их судеб, и вообще всего на свете, и т.д. Из этих частных, отдельных, коротких созерцаний целого в отдельном, великого в малом, единства множественности в единичном, и состоит роман. В сущности, он представляет собой жизнеописание, только не жизни отдельного человека, а жизни самой по себе. Точнее, это описание того, как в жизни отдельного человека запечатлена сама жизнь. Описание того, как жизнь-зое вторгается в жизнь-bios, осуществляется и проявляется в ней. Порядок впечатлений, видений, встреч и образов, отраженный в стихах и записях Юры Живаго, и в цельности романа Пастернака – это порядок большой Жизни, символический порядок. Поэтому, например, время романа, это не эмпирическое время происходящих событий, а время их переживаний и осмысления. Оно сжато до мгновения восприятия – в одну главу-стихотворение помещаются и целые истории и одно-два впечатления или мысли (размерности события мысли и реального события равны и способны вмещать друг друга). Примерно в пятнадцать лет укладывается основная событийность романа – от первой встречи Юры и Лары до их последнего расставания (у последней встречи – Лара у гроба Юры, расставания нет – она уже вне времени). И при этом герои говорят об этом промежутке как о необъятно большом, как о всей жизни. Мы как бы постоянно не успеваем, вместе с автором, за ходом этого времени впечатлений, всегда опаздываем к нему. То же и с пространством романа, которое есть не гипотетическое априорное вмещающее пространство, но пространство, записываемое Живаго, пространство его переживаний, повесть о его жизни. Не случайно здесь описаны места почти былинные, сказочные – Зыбушино, Варькино, Юрятин. Особенно интересно Варькино как символ уединенности любви и творчества. Частное, малое, личное – хранящее целое. Место, до которого не достигают декреты и постановления, и души Юры и Лары, до которых не достигает царящая кругом грубость и прямолинейность мысли. И вот эти пространство и время

переживания (если не сказать – пространство и время жизни, души, дышащее пространство, а не вакуумное), сжатые до мгновения восприятия целого, единого, настолько же странны и несуразны стилистически, насколько просты и точны онтологически. Их размерность и порядок выверены по внутренним мерам Юриного и Лариного восприятия реальности.

Я думаю, что, таким образом, в романе Пастернака можно выделить особый склад философской рефлексии, соответствующий настроениям и мотивам нашей работы. Это рефлексия-успевание, или символическая рефлексия, всегда спешащая к явлениям сознания, но всегда опаздывающая. В силу природы самих этих явлений, застающая лишь их след, образ, призрак (в отличии от рефлексии захватывающей, овладевающей явлениями – чувствами, мыслями, впечатлениями и т.д., подчиняющей их своей грубой силе). Если наше внимание не вмещивается в поток сознания, поток жизни (как переживания), но остаётся просто очевидцем этого движения, оно никогда не застигает событие в комфортных для себя обстоятельствах. Это всегда полевая работа, а не в лабораторных условиях (нельзя спугнуть!). Наблюдение происходящего с нами в его естественной среде – во внутреннем времени и пространстве опыта.

Наше восприятие успевает за реальностью, только если искусственно представляет её неподвижной. Воспринимая её так, как она есть – как живую, длящуюся, становящуюся, временящуюся, – мы не можем успевать за её движением и мыслью.

Мне кажется, что один из древнейших философских символов – символ молнии, возник как символ Символа вообще, символ символичности, в значении, близком тому, которое раскрывает в «Воспоминаниях» Флоренский. Как образ играющей Реальности, являющейся, но ускользающей. Как образ мгновенности Воплощения, за которым не поспевает (но спешит) рефлексия. И тому значению, о котором Гёте говорит – «мгновенное откровение

неисследимого», то есть, всё сущее, сошедшееся разом в Восприятие-Встречу. Приведём два примера. Первый – Гераклит, говорящий о том, что всем правит молния. Всё, окружающее нас, и мы сами, существует (и воспринимается) в мгновении. Любое событие, любой воспринимаемый факт мы застигаем уже случившимся и уже воспринятым. И, как нельзя предупредить, предсказать движение молнии, так нельзя найти подход к сущему, остановить поток сознания, распусть его ткань и перекроить на свой лад. Второй пример – буддийский образ «ваджра» – молния, блеск, сверкание отраженного света. Это символ молниеносности просветления, мгновенности спасения и освобождения. Знаменитая «Ваджраччхедика Праджняпарамита сутра» – «алмазная сутра» (алмаз – сверкающий), является текстом мгновенного просветления. То есть как текст запечатлевает в сознании читающего (или слушающего, повторяющего, запоминающего и т.д.) уже просветленное его (то есть уже не «его» и ни чьё) состояние. И потому она говорит о том, что нет метода, пути и всего остального, что предшествует просветлению и им не является. В силу того, что просветление есть онтологический поворот, оно возможно только как уже случившееся. Точнее, мы запечатлеваем, отмечаем его в себе как уже случившееся («уже» или «ещё» это вообще основные формы отмечания, или размечивания происходящего). Рефлексия, в данном случае, это само запечатливание – текст просветлённого сознания (например, текст «алмазной сутры»).

Так же и текст «Доктора Живаго» (то есть, тексты Юры и Лары, их мысли, впечатления, стихи), я рассматриваю как текст откровения – запаздывающую рефлексию, отмечающую словом абсолютную действительность света. Эта действительность сама есть мгновение, но своим невыразимым и невидимым движением (работой творца) она оставляет в нашем восприятии следы, или образы. Эти образы – настоящее, прошлое и будущее. Время (и сама наша жизнь, её естественный ход, путь) – это карта, на которой вечность расставляет

эти метки-образы, а моя философская (и пастернаковская/живаговская поэтическая) работа – это внимание, торопящееся, но не поспевающее за мгновенным трудом Вечности. Восхищённо видящее полотно реальности – переходы из прошлого, через настоящее в будущее, и неминуемо отстающее от резкости и лёгкости ветра, вздымающего это полотно.

Теперь я попробую описать содержательные стороны близости пастернаковских опытов моим. Тематика стихотворений и размышлений Живаго, в основном, касается четырёх Евангелий, эпизоды которых как бы высвечивают, проясняют реальность. В его прочтении видны, как мне кажется, черты того понимания новозаветных событий, который близок и нам. Этот подход можно назвать онтологическим, в отличие от этического или практико-аскетического. Мне кажется, что теоретическое содержание Евангелия производно по отношению к чему-то более простому и серьёзному. Главное в нём, на мой взгляд, не нравственные положения (этика) и не описание какого-то состояния, которого можно достичь, следуя определенному методу (аскетика). Это не морально-этическая инструкция, не свод правил, не мировоззренческая система. Евангелие – «благая весть», краткое (не специальное-художественное, а «как получится») повествование о произошедших событиях, история в маленьком смысле, как что-то случившееся, случай из жизни (жизнь как случай). Повесть о событиях одной, конкретной жизни – жизни Христа. Не изложение учения Христа, а описание его жизни. И, соответственно, порядок и связь, выраженные здесь, это не порядок и связь идей, концепций, умозаключений, но – порядок встреч, встреченных людей, явлений, восприятий и мыслей. Ведь, по большому счёту, ничего другого в евангельской истории нет, кроме всяких происшествий, и всё, что потом станет «христианством», христианской культурой, философией, мировоззрением, здесь описано как встречи разных людей с Христом. Тут нет чего-либо, чему можно было бы следовать

– ни теоретического знания, ни практического метода. Только образ одной, не возводящей себя в правило, никому не навязывающей себя, ничему не противостоящей и не противопоставленной жизни. Чтение Евангелия, это чтение повести об этой жизни, из которой ничего не следует и ничего не выводится, то есть опять-таки, встреча, а не усвоение учения, которому я буду или не буду следовать. Всё, о чём говорит Христос, это то, что он здесь есть, он здесь ходит, пьёт и ест, что всё это действительно происходит. Его утверждение – не утверждение его идей, его истин, его законов, а утверждение его явленности, его присутствия. Факта встречи с ним. Самого простого факта – реальности всего случающегося с ним и с теми, кто встречает его.

Евангельская история – это саморазумеющаяся действительность жизни в её естественном движении. Место учения об истине, о различии подлинного и иллюзорного миров, и других, обыкновенных для религиозно-философской системы интерпретаций жизни, в Евангелии занимает простое описание Реальности со всеми событиями и встречами, её эскиз, карандашный набросок. Догмат о богочеловечестве Христа и Троице является комментарием к этому наброску, и его нет в самом Евангелии потому, что там это и так понятно – жизнь Христа, это и есть та Жизнь, которая явлена в нём, вдохновенность которой дышит в его лёгкости и простоте. Говоря выше о замысле Живаго, я назвал это био-графией – описанием Жизни большой в жизни отдельного человека. Образ Христа, отражённый в Евангелии есть образ этой большой (вечной) Жизни. Человек, в свою очередь, есть образ Божий в том смысле, в каком в жизни человека отражается (отпечатывается) Жизнь большая. «Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной»³⁸ – говорит Симушка

³⁸ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 572

Тунцева в своей «лекции» Ларе о переходе от язычества к христианству.

В утверждении реальности Богоявления сходятся внутреннее и внешнее, абсолютное и эмпирическое. Все отвлеченные идеи и истины становятся встречами, событиями, историями (это буквально они и есть, а не их примеры или частные случаи). Внимание обращается от тех или иных интерпретаций реальности, узких и определенных, к едва уловимому образу (следу, видению) реальности как таковой, запечатлеваемому в «Божьей повести». Сновидчески зыбкому, хрупкому – такому, что его нельзя не нарушить грубостью теоретического спрямления, построением мировоззрений. Истинно происходящее, истинны события, и потому их проще всего описывать как факты. Не делая общих выводов и определений, а сравнивая с другими фактами. Описать событие через другое событие (то есть – увидеть это событие как символ), оставаться внутри действительности, говорить на её языке, слышать её дыхание, а не входить в риторический вакуум понятий и формул. Важно понимать, что образ Жизни большой, печать которой ложится на жизнь маленькую, это именно порядок (не противоположность хаосу, а порядок в смысле – «что за чем», расстановка) – строй движения фактов, впечатлений, мыслей. Топология, маршрутный лист, а не какое-то конкретное понимание. Как и образ Жизни Христа – не этический идеал, но гармонический рисунок самых разных, порой неопределённых и противоречивых по смыслу случаев. Реальность воплощается в нём не через отдельные слова и проповеди, а через общую расстановку (даже - расстановочность) историй, через саму его повествовательность, через карту его движения, через зарисовку Христовой пути. «До сих пор считалось, что самое важное в Евангелии нравственные изречения и правила, заключённые в заповедях, а для меня самое главное то, что Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности. В основе этого лежит мысль,

что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна»³⁹.

Мне представляется, что неровность Евангелия, его радикальная нетеоретичность, нескладность его как «учения», отражает внутреннюю ритмику жизни – нестройный лад встреч и событий. Поэтому я называю своё понимание онтологическим и отличил его от этического и практического. Евангелие описывает Богоявление, это весть о присутствии Бога в жизни. И потому, оно требует простого внимания, созерцания уже совершившегося (совершенного) и исполнившегося (наполненного) чуда Жизни, а не следования какому-то нравственному закону или достижения какого-то состояния. Мир уже спасён историей Христа, истина уже явлена, всё уже прощено и искуплено – вот, посмотри, как это случилось. Написано в Жизни-описании. В этом смысле, Евангелие – произведение искусства. Оно необязательно и легко, не ждёт напряжения интеллектуального усилия, а требует только верить себе, отдав чтение и жизнь в руки вдохновению. Только искусства, опять-таки большого – Искусства. Того, которым занят самый большой Мастер. Искусства как концентрированной творческой силы.

В следующих размышлениях мы будем ещё развивать мысль о внутреннем родстве Евангелия, образа жизни Христа с искусством, творчеством. Пока, чтобы просто войти в это смысловое поле, отмечу, что наше понимание Нового Завета – вольная философская интерпретация. И значит, задача её – не историко-культурная и не богословская объективность, а прояснение нашего собственного опыта. Нам кажется, что Новый Завет не является продолжением и развитием ветхозаветной истории и метафизики. В философском смысле это текст совершенно новый, выражающий и описывающий новую, особую метафизику или онтологию. Она не имеет ничего общего ни с классическим ветхозаветным теизмом, ни со

³⁹ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 102

средневековой, и далее – субстанциальной метафизикой Нового времени. Онтология Нового Завета – это не онтология Бога-творца; единой, определенной, абсолютной субстанциальной единицы, недостижимой и невидимой, подчиняющей себе, но полностью уместяющейся в границы человеческого представления об «абсолюте» и «абсолютной личности», «вечности» и т.д. Новозаветная онтология – бессубстанциальна. Здесь нет Бога-творца, но есть божье творчество, творческое событие. Это онтология воплощения – не как принципа или определения сущности Бога, а как совершающегося события. Онтология Слова – не рациональной структуры, предшествующей действительности, а самой действительности как выраженности, сказанности, явленности.

При этом, речь идёт, конечно, не об утверждении физического (т.е., метафизического) отсутствия Бога-творца, а об иной направленности взгляда. Об обращении внимания – с абстрактной схемы «Бог и сотворенный им мир» и связанных с нею космологических идей, на – реальный, продолжающийся, длящийся во времени творческий процесс. С «творца и творения», представляемых в вакууме, на само живое Творчество в его родной стихии.

Новый Завет рассказывает не о том, как устроен мир или как должен вести себя в нём человек, а о том, что происходит с миром и человеком. В них влетело Слово – пришёл Христос. Мир был подхвачен внезапным вихрем. В душную комнату ворвался ветер. Всё вдруг стало проникнуто вдохновением, лёгкостью, свободой. Радостью иного сознания, не знающего рабства, уныния и тяжести. Человек расправил крылья за спиной, а мир стал его стихией – воздухом. Онтология Нового Завета – онтология вдохновения, воцаряющегося в мире. Онтология мира – освобождающегося, ставшего освобождением. Особенность его – не в учении, а в описанной им реальности. Почти всё содержание его состоит из встреч Христа с людьми, в которых он вдыхает жизнь, которых он

вдохновляет как бы подбрасывает в воздух, помогает взлететь. В центре метафизики Нового Завета – мир вдохновенный. Мир – встреча.

Один из самых интересных эпизодов романа – шестнадцатая глава, девятой части («Варыкино») второй книги, когда Юра едет от Лары к Тоне, чтобы признаться ей в своей связи с Ларой, и, останавливаясь на полпути, решает ещё на одну ночь остаться у Антиповой, а признание сделать позже. «Вдруг вдали, где застрял закат, защёлкал соловей. «Очнись! Очнись!» – звал и убеждал он, и это звучало почти как перед Пасхой: «Душе моя, душе моя! Восстани, что спише!»⁴⁰. И далее: «Вдруг простейшая мысль осенила Юрия Андреевича. К чему торопиться? Он не отступит от слова, которое он дал себе самому. Разоблачение будет сделано. Однако где сказано, что оно должно произойти сегодня?... О как хорошо! Как чудно! Как удивительно, что это раньше не пришло ему в голову! При допущении, что он ещё раз увидит Антипову, Юрий Андреевич обезумел от радости»⁴¹.

Какое невероятное сочетание символов описывает здесь Пастернак – пение соловья, фрагмент пасхального богослужения, и мужчина, который, уступив своей страсти, решает не признаваться жене в своей измене и провести ещё одну ночь у любовницы. Почти кощунственные, недопустимые аналогии и связи. Но в том-то и дело, что живая реальность, описываемая Пастернаком – это не догматы, принципы, законы и даже не теоретико-умозрительные и практико-аскетические усилия. Но, в первую очередь, – вдохновение, а вдохновение не знает общих правил, не знает методов и приёмов. Вдохновение – дух, проходящий через человека, не парящий в атмосфере, но вдыхаемый в душу. Он (дух) не выбирает людей и ситуации не потому, что это случайность или одному Богу известная закономерность, но потому, что важны не люди и ситуации, а *то, что*

⁴⁰ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 434

⁴¹ Там же. – С. 434

с ними происходит, что открывается им в этом новом свете. Вдохновение – сила, обращающая человека к действительности, без промежуточных этапов, в которых мы обыкновенно увязаем до того, что уже ничем не заняты, кроме этих подходов и приготовлений. Явление, взятое само по себе, не типизируется, не запоминается, не подходит под правило. Истина, что открывается нам во Вдохновении, существует лишь одно мгновение. Оно обнуляет все результаты и заслуги и оставляет человека один на один перед распахнутым простором сознания и мира, между которыми, в этот момент, не стоит привычных препятствий. Для знания, приносимого Вдохновением, не важно, как мы его получаем и что можем с ним сделать – никак и ничто.

Говоря о философском содержании «Доктора Живаго», нам кажется, не в последнюю очередь, важно не бояться и стесняться самых смелых образов и аналогий, помня о том, о чём сказали мы выше – философская работа не должна соответствовать богословским или историко-культурным критериям – она должна *пояснять*, высвечивать действительность происходящего с нами и нас самих. Мы думаем, и это достаточно прозрачно сказано самим Пастернаком, что Юра Живаго – воплощение образа Христа, в том смысле, в каком Христос является внутренним обликом человека, который человек раскрывает и реализует в своей жизни. И одновременно, и Живаго, и Христос, являются воплощением образа жизни-zoe (жизни в целом, живой реальности, жизни как силы), которая является внутренним обликом каждой отдельной человеческой жизни-bios. И роман Пастернака подобен Евангелию, в том смысле, что он описывает облик Жизни и образ Христа, воплощенные в отдельном человеке и в его жизненном пути. Выше я уже частично описал эти аналогии, и далее в работе ещё буду делать это. Если попытаться проще и короче выразить их суть, то я сказал бы о двух моментах, в которых образ реальности воплощается в жизни и облике Христа и в жизни и облике Юры Живаго.

Первый. Образ Жизни как био-графия – описание событий, встреч, случайностей, чудес и т.д. Карта Жизни, её проявлений, пути человека и следов, которые он оставляет на земле.

Второй. Образ Жизни как онтологическая суть реальности, её нутро, её природа. Наиболее, на мой взгляд, подходящее для этого слово я уже назвал – вдохновение. Не как абстрактный принцип, а как действительный, совершающийся процесс. Пастернаковская версия зое (силы бессмертия-жизни) – вдохновение. Смерть – это мёртвость-тяжесть, и она одолевается оживанием-вдохновением. Реальность – это живая реальность. Значит, в неё вдохнули дух, проникло дыхание, она дышит. То есть, вдохновение — это не определение того, что такое реальность или какого-то её общего свойства. Это понятие описательное, оно описывает процесс воплощения. Реальность – реализуется, воплощается в Образ, осуществляется (живёт) как дышащее. Как вдохновенное, как духовное. То есть, как пронизанное, вздымающееся и движущееся изнутри вдохновением или духом. Дух, в данном случае, опять-таки не абстрактное понятие, обозначающее идеальную субстанцию или мировое начало, а понятие, описывающее воздушность сущего. Это воздух, просто не только физический, но и метафизический – большего размаха и неопределенности. Тот, которым дышит существование в целом. Можно сказать, что сцепленность, нераздельность духа, жизни и реальности, - духовного, живого и реального, я и пытаюсь выразить словом вдохновение.

Теперь перейдём непосредственно к образу Юры Живаго и Лары. Первое, на что я бы хотел обратить внимание, это то, что они оба, то по отдельности, то вместе, на протяжении всего романа (всей своей жизни) постоянно сталкиваются с голосом грубой, прямолинейной, напирательной правоты. Они постоянно делают не то, что должны с той или иной точки зрения, то, что не совпадает с (чьими-то) идеалами и принципами. Но это не потому, что они занимают какие-то другие позиции или руководствуются иными принципами, а в силу какой-то метафизической отмеченности –

невидимой границы, отделившей их от остального мира. Мира, которым владеют общие фразы и красивые лозунги, бесконечные абстрактные определения и переформулирования. Эта метафизическая отмеченность – особое внимание к жизни как к тайне, а не пространству самореализации. Фигура, образ этой открытости тайне – безоружность. Безоружность, как и в случае с юным Пастернаком, в самом широком, онтологическом смысле – как образ существования, случайно (чудесно) завладевший человеком. Бросивший его в открытый мир совершенно небооруженным, неподготовленным, - обнажённым, как скажет Пастернак. Захваченность воплощённой реальностью неотделима от творческого воплощения как безоружной обнажённости.

«Вот опять что-то в нашем роде, из нашего арсенала. Твой уход, мой конец. Опять что-то крупное, неотменимое. Загадка жизни, загадка смерти, прелесть гения, прелесть обнажения, это пожалуйста, это мы понимали. А мелкие мировые дрызги вроде перекройки земного шара, это извините, увольте, это не по нашей части»⁴², – так говорит Лара о том, что составляло их жизнь. Их отношения – с одной стороны, нечто частное, интимное, деликатное, с другой – размах вот этого метафизического взгляда. Их уединенность (иногда буквальная – в Варыкине) противостояла узости и ограниченности большой истории и культуры как теоретически оправданных самолюбий и амбиций по переделу жизни, и была широтой необязательности любви к жизни.

Их связь была как бы продолжением их самих, и не требовала с их стороны специального усилия, не требовала выбора. Мир открывается только любви нечаянной, опрометчивой, а не самоотверженной и напряженной. Любовь Юры и Лары – «саморазумеющаяся», то есть, она не требует для себя внешнего объяснения, в ней нет значения большего, чем она сама, в ней нет

⁴² Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 687

привнесённых смыслов и интерпретаций. По-настоящему большие открытия приходят только в маленькое, частное, необъяснимое. С Юрой и Ларой сама реальность вступает в близкие отношения и говорит с ними на своём языке. Это язык не-специальности, не-выученности, не-вымученности. Язык неподготовленности сознания к самому себе, к встрече с собой. Опрометчивость и нечаянность их связи, такой неправильной и несвоевременной, является отпечатком в них гармонической нестройности мира, его тайны.

Юра и Лара живут замороженностью реальностью. Они как бы загипнотизированы её концентрической ритмикой, расходящейся и снова сходящейся в некое простое единое начало (подобно движению гипнотического круга).

Ритмикой, создающей склад их самосознания, их мироощущение и их любовь: «Они любили друг друга не из неизбежности, не “опаленные страстью” как это ложно изображают... Никогда, никогда, даже в минуты самого дарственного, беспамятного счастья не покидало их самое высокое и захватывающее: наслаждение общей лепкою мира, чувство отнесённости их самих ко всей картине, ощущение принадлежности к красоте всего зрелища, ко всей вселенной»⁴³.

Эта разомкнутость души навстречу миру совершенно естественна для них, органична, почти как биологическое свойство. Не случайно, это передалось их дочери, жизнь которой описана в последней главе, когда её встречают на фронте великой отечественной войны Гордон, Дудоров и Евграф. Она бельевщица, а не поэтесса и даже не учительница. Она проста и необразованна, и, тем не менее, в ней живёт это особое мироощущение. Это её природа, она передалась ей как живаговская курносость. Лёгкость, не-необходимость чувства и мысли, созвучная музыке мира, сама живёт в Юре, а не он владеет ею как навыком или стилем, – так нельзя сознательно избрать себе и сделать своим ремеслом темперамент или

⁴³ Там же. – С. 686

цвет кожи, или пол. Он так живёт, а не говорит или пишет об этом. Это форма его существования, и потому она не может быть для него предметом теории и не имеет себе места в его иерархии ценностей. В этом его отличие от дяди Николая Николаевича и Миши Гордона. Формально, главный философ романа – Николай Николаевич, он пишет книги и статьи, у него есть «своя» философия. В его голосе, по большому счёту, звучат идеи самого Пастернака. В общем, на уровне положений и идей, философия Юры – это философия Николая Николаевича. Но то, что для него является профессией, для Юры есть сама жизнь. Николай Николаевич всё время в деле – выступает, отрицает, утверждает и т.д., Юра же всегда в каком-нибудь Варыкине с Тоней или Ларой, всегда в стороне от трибун и аудиторий, от декламации тезисов и их опровержений. Он уже *там*, он находится в том месте, о котором Николай Николаевич всё время издали пишет книги, говорит и рассуждает. Как сильно напоминает отстраненность Юры ту простую сложность человека, который трудится над загадкой смерти («человек в истории», согласно Николаю Николаевичу). Так же сильно, как философствование Николая Николаевича напоминает противопоставленную этому труду, языческую иллюзию величин – больших дел, людей, забронзовевших в памятники, их блистательное ораторство и полководчество. То, что у Николая Николаевича является манерой говорить и писать, является его мировоззрением, у Юры становится вещами, событиями, впечатлениями и встречами. Становится его судьбой, линией жизни. Соответственно, для Юры различие теории и практики носит абстрактный характер. Живаго полностью находится в опыте, в потоке переживаний, и для него нет ни проблемы применения в жизни знаний, ни самих этих теоретических знаний. Важно то, что происходит, а не то, с какой стороны к этому подойти. Во всем Живаго ищет метода, который не отличался бы от того, к чему он применяется – в медицине, в поэзии, философии, то есть, в сущности, ищет прямой выход к опыту, к переживанию, без введений и

предисловий. Поэтому для него нет дилеммы «искусство служит людям» против «искусство ради искусства» – его поэзия занята вообще совсем *иным*. В то время как Николай Николаевич (как большинство философов 19-20 веков) постоянно мечется между абстрактностью своих умозрительных построений и, навязанной самому себе необходимостью применения этих конструкций на практике (которая сама, в свою очередь, есть не что иное, как теоретическая конструкция). Или мы занимаемся гносеологией в университете и созданием метафизической системы или идём на баррикады с рупором в руках (или сначала одно, потом другое, не важно, в какой последовательности).

На протяжении романа происходит несколько столкновений лирической безоружности Живаго – с поработавшей прямолинейной грубостью. Я рассмотрю два, наиболее ярких, на мой взгляд, таких столкновения – это встреча со Стрельниковым и вся линия скрытого противостояния двух героев, а в них – двух способов существования (Живаго и Антипов), и разговор с Гордоном и Дудоровым в конце жизни.

Первое столкновение со Стрельниковым – с напором правоты борьбы, участия в истории, переделывании, преодолении, напряжении воли и ума. «Сейчас вы представите записку Наркомпроса или Наркомздрава, рекомендующую вас как “вполне советского человека”, как “сочувствующего” и удостоверяющую вашу “лояльность”. Сейчас страшный суд на земле, милостивый государь, существа из Апокалипсиса с мечами и крылатые звери, а не вполне сочувствующие и лояльные доктора»⁴⁴.

Он обвиняет Живаго, конечно, не в том, что тот не участвует в войне, а в слишком частном, слишком личном, слишком неприятельном и мелком масштабе поведения, поступков и мыслей. Для Стрельникова Живаго – «мещанин», не способный мыслить и жить в размерности большой истории, великих деяний,

⁴⁴ Там же. – С. 369.

смелого социального действия, неспособный изменить мир вокруг себя. Как можно прятаться с семьёй в деревенской глуши и выращивать картошку для пропитания, когда вокруг вершатся судьбы человечества и – раз и навсегда – разрубаются узлы и разрешаются вековые вопросы? Как можно жить своими маленькими, частными мотивами, когда сама история, с её революциями и войнами, сошла в наш мир, стала нашей реальностью и бросает нам вызов? Для Стрельникова личное имеет смысл только как преобразованное в общественное, как воплотившееся в общественное. Он признаёт только ситуацию выбора – или/или, он не согласен на «срединные пути», на движение, попутное естественному ходу жизни. Мир для него и есть пространство выбора, проверки себя: «Стрельников с малых лет стремился к самому высокому и светлому. Он считал жизнь огромным ристалищем, на котором, честно соблюдая правила, люди состязаются в достижении совершенства. Когда оказалось, что это не так, ему не пришло в голову, что он не прав, упрощая миропорядок. Надолго загнав обиду внутрь, он стал лелеять мысль стать когда-нибудь судьёй между жизнью и коверкающими её тёмными началами, выйти на её защиту и отомстить за неё»⁴⁵.

Ему противно живаговское стремление уединиться, созерцательность он понимает только как слабость. Он не верит и никогда не примет гармонии мира. Подобно тому, как не верит он в искренность любви Лары к нему, так не верит он в искренность всего происходящего, в искренность ладности мира, в искренность его Творца. Вместе со Стрельниковым, с его же прямоотой и уверенностью, говорит с Юрой, по большому счёту, сама эпоха. Только не конкретная, а сам принцип «эпохальности» происходящего с нами, напоминающий о том, что он не терпит созерцательности, не терпит паузы, замороженности красотой момента. Только неестественная, надломленная жажда поступка, потрясения, возникновений и исчезновений (Будда сказал бы – жажда страдания)

⁴⁵ Там же. – С. 368.

– только всё это может позволить идти «в ногу со временем», быть «актуальным», отвечать на «вызов времени», быть «рупором» и знать «болевы́е точки» «эпохи». Лояльность, стремление примириться с действительностью, здесь неуместны и нелепы (лепы, они, как оказывается, только самой «лепкости»).

Юрой и Ларой владеет особая онтологическая сила – завороченность существованием как таковым – зрелищем Воплощения. Сама живая реальность приковывает их внимание своим движением, своей красотой. Этой метафизической зачарованности противостоит другая сила – разочарованная, не видящая красоты целого. Эта сила, создавая своего рода противодвижение движению, приковывающему внимание, образует мир мнимых масштабов и значительностей. Мир, в котором правила риторики замещают вдохновенность Речи, а личность формируется вокруг абстрактных принципов, а не из опыта. Вместо опыта – силовое поле отвлечения, в котором возникают, связываются и руководят жизнью человека определения и формулы.

От-влечение – уход от влечения. Усилие (если не сказать – насилие) к преодолению притяжения, которым (притяжением, то есть) действует на нас Реальность. Есть особого рода притягательность воспринимаемого к воспринимающему. Лара ощущает себя и своё назначение как необходимость «разобраться в сумасшедшей прелести Земли и всё назвать по имени» (стр. 144). Мир существует как красота – воплощенная действительность, действительность воплощения. Мир прельщает, притягивает внимание, захватывает. Мир – это прелесть. Восприятие мира – это внимание, захваченное его красотой, прельщённая (пленённая) душа. Николай Николаевич, объясняя своё понимание христианства, говорит о том, что самое важное в Евангелии – не нравственные постулаты, а «неотразимость безоружной истины, притягательность её примера»⁴⁶. Не учение Христа, а явление Христа. Неотразимость и

⁴⁶ Там же. – С. 102.

притягательность – название тех сил, которые вовлекают нас в действие явления, включают в мировой процесс (процесс вы-явления, выхода на свет - мира). Сил, которые делают жизнь свидетельством, а человека – свидетелем. В конце концов, спасают, вытягивают нас из вязкой и тягучей отвлеченности.

Попробуем так и сформулировать определение силы отвлечения – это сила, противодействующая силе неотразимости и притягательности мира. Отвлечение – это отвлечение от красоты. Отведение созерцающего взгляда от прелести жизни (уход из-под её завораживающего влияния). Тогда, когда действует в нас красота, она действует, преодолевая отвлечение, когда господствует отвлечение – оно подчиняет себе красоту. Мир отвлечения – мир подчинения, укрощения реальности, - весь мир необходимости, законов, методов, причинно-следственных связей. Мир неукрощённой красоты – мир Воплощения, вторгающееся в жизнь Слово, являющееся вопреки необходимости и закону, не поддающееся проверке методом (и не поддающееся вообще). Отвлечение – состояние, в котором не действует на нас обаяние жизни. Красота разотождествляется с жизнью, перестаёт быть самостоятельно действующей силой, и превращается в одну из идей, так или иначе интерпретируемых, определяющих убеждения и поступки. Красота становится именем определённых вещей и качеств. И тогда мы говорим – «это красиво, а это не красиво».

Отвлечение как противодействие действию красоты лежит в основании неприятия мира, не-принятия действительности. Уход от созерцания лежит в основании иллюзии субъектной силы, значения (значительности) борьбы и власти. Борьбы с властью. Противостояния злу – силой.

Здесь мы оказываемся среди событий и смыслов «Гефсиманского сада»:

«Пётр дал отпор мечом головорезам

И ухо одному из них отсек
Но слышит: спор нельзя решать железом
Вложи свой меч на место, человек.

Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы мне сюда?
И, волоска тогда на Мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь»⁴⁷.

Христос вновь возвращает взгляд Петра к тому, от чего он отвернулся – к воплощению. Реальность имеет свой порядок – порядок «написанного». Слово как «сбывающееся» совершается на глазах Петра – он захвачен его совершенностью (совершенство; исполненностью). Пётр оставляет меч и подчиняется смыслу происходящего – развёртывающейся реальности. Меч Петра – символ отвлечения, уход от прямого созерцания истины в сторону борьбы за истину. То, что Пётр – фигура отвлечённая, кажется парадоксальным. Он самый горячий, самый эмоциональный из апостолов. Но в том-то и дело, что борьба, напор, насилие, агрессия в основании своём абстрактны. Они коренятся в определенном порядке представлений о жизни. Они опираются (хотя сами мы чаще всего не замечаем этого), на грубый и прямолинейный подход к жизни. В сущности, любой подход прямолинейен. А «грубость» именно то слово, которое, как мне кажется, яснее всего характеризует образ мысли, исходящий из подхода.

⁴⁷ Там же. – С. 742

Итак, если кратко характеризовать строение (внутреннюю расстановку значений) отвлечения, можно выделить два, определяющих эту силу, смысла – отказ от внимания красоте, и иллюзия (необходимости) борьбы (иллюзия того, что истина — это истинные идеалы, и они, для своего осуществления требуют борьбы, действия). Эти две сути складываются в силу отвлечения. Реальностью, в которую осуществляется (овеществляется) сила отвлечения, является усилие. Мысль – усилие, чувство – усилие, поступок – усилие. Отвлечение – сила, разрешающаяся (разряжающаяся) в усилие. В жизнь, проживаемую и переживаемую как усилие.

Эта оппозиция – один из главных сюжетов «Доктора Живаго». Узловой пункт, в который связываются различные смысловые нити романа – разговор Живаго и Антипова-Стрельникова в Варькине. Разговор – о Ларе. Об отношении к ней Юры я говорил раньше и ещё скажу. Здесь важно отметить общее и различное с Антиповым. И для Юры, и для Паши, Лара – «образ мира», лик Вселенной. Она, и её путь (и её красота) – выражение чего-то предельно общего, самой коренной сути существования. «О, как всегда тянет сказать спасибо самой жизни, самому существованию, сказать это им самим в лицо! Вот это-то и есть Лара. С ними нельзя разговаривать, а она их представительница, их выражение, дар слуха и слова, дарованный безгласным началам существования»⁴⁸.

Опустим пока то, что говорит на это Юра, и то, что он хочет сказать представительнице «начал существования». Сейчас нам важно то, что Лара занимает в жизни Антипова то же место, что в жизни Юры. Она – образ Воплощения. Встреча с ней – встреча с Реальностью как таковой. Обращаясь к Ларе, они обращаются к исходной Первооснове жизни. Восприятие её образа – мировосприятие. Метафизика – обретшая конкретные черты, узнанная в лицо и заговорившая прямо – своими чувствами,

⁴⁸ Там же. – С. 545.

мыслями, поступками. Можно сказать, что образ Лары – сквозной образ. Он как бы проходит через всё воспринимаемое и переживаемое. Как солнечный свет, освещает пространство опыта, вы-являет все мысли и события, и, проходя, пробиваясь – накатывает сплошным световым потоком в души Юры и Паши. Не спрашивая – как рок, неизбежность.

Ответ Юры на эту безусловность света, на данность всего мироздания в одном лице, в одном взгляде – творчество. Он получает Лару (а в её лице – всю живую действительность) – в Дар. Она приносит ему – вдохновение, вдыхая в его жизнь свободу и свежесть. Ту самую «свободу души», которая правит Москвой и разливается «неслышной музыкой счастья», в последних строчках романа (об этом – ещё впереди). Для Юры Лара – это мир, а мир – это простор боговдохновенного существования.

Ответ Паши на явление (Лары) – революция. Варыкинский разговор с Живаго, по большому счёту, исповедь Стрельникова, проигравшего свою борьбу. Борьбу, которой он препоручил самого себя, свою жизнь, которой стала его жизнь. Которая сама была – борьбой с жизнью, с её порядком, с её естественным устройением. Полюбив Лару, он, однако, не принял того метафизического обаяния, которая несла она собой. Не был заморожен открывшейся красотой безоружности, незащитности, воплощенной уязвимости. Отвлекаясь (отворачиваясь) от её явности, он воспринял её как несправедливость, требующую мести, и посвятил себя этому требованию. «Все темы времени, все его слёзы и обиды, все его побуждения, вся его накопленная месть и гордость были написаны на её лице и в её осанке, в смеси её девической стыдливости и её смелой стройности. Обвинение веку можно было вынести от её имени, её устами»⁴⁹.

Лицо Лары было для него лицом оскорбленной, обиженной чистоты, незащищенной и требующей возмездия.

⁴⁹ Там же. – С. 636.

Вселенная Юры пронизана Ларой-естественностью, Ларой-лёгкостью, женственностью как абсолютной противоположностью грубости и пошлости. Вселенная Паши – это поруганная женственность, побежденная грубостью и пошлостью. Парадоксальность его пути в том, что на него прямо смотрело то же, что и на Юру, и явление Лары именно о том ему свидетельствовало, и именно тем и было (воплощенной женственностью как основой мироздания). Ведь суть женственности как раз в том и есть, что она обречена быть побежденной, в уступчивости и уязвимости. Именно поэтому она сама – не грубость и не пошлость. В ней нет напора, нет прямолинейности силы. Женственность, способная дать отпор, имеющая что ответить, – перестаёт быть собой. И напротив, она обретает себя в незащищенности, безоружности. В этом прелесть, красота Лары-Жизни. Красота уступает напору грубости, и это – её суть, - победа через поражение, обретение (себя) через потерю (себя же), способность сохраниться через уязвимость. И потому она (Лара-неотразимая прелесть живой реальности) – щедрость и великодушие. Она обретает себя только в отдаче, в любви, в не знающем меры раздавании себя. В жертве. Для Паши Антипова это – несправедливость. Подобно тому, как Пётр в Гефсиманском саду хватается меч, не понимая, что Христос должен быть побежден, чтобы быть собой, чтобы быть явлением (себя), Паша не понимает, что Лара уступает Комаровскому потому, что переполнена самой собой, и в ней нет той противоестественной пошлости, с помощью которой только и можно чему-либо противостоять, или чему-либо что-либо противопоставить. Тогда он решает сам воспроизвести эту противоестественность – восстановить справедливость, завоевать Лару (мир), стать достойным её (и вообще всё вокруг сделать достойным). «Ради этой девочки я пошёл в университет, ради неё сделался учителем... Я поглотил кучу книг и приобрел уйму знаний, чтобы быть полезным ей и оказаться под рукой, если бы потребовалась моя помощь... Я пошёл на войну, чтобы после трех

лет брака снова завоевать её... весь ушёл в революцию, чтобы полностью отплатить за всё, что она выстрадала... чтобы возврата к прошлому больше не было, чтобы Тверских-Ямских больше не существовало»⁵⁰.

Он сам становится воплощением этой противоестественности, суммой достоинств и благородных задач. Я думаю, что путь от Патули Антипова к Стрельникову можно рассматривать как прообраз отвлечения (то есть, как бы развёрнутый план, внутреннюю топологию – короткого замыкания отвлечения-усилия, схему того, как устроено это мгновение). Исходная точка – прямой и ясный образ Лары – красоты воплощения (точно такой же, как в восприятии Живаго – в варыкинском разговоре они оба поражаются сходству впечатлений от Лары-девочки). Далее – самоограничение, благородный отказ от возможности всегда быть при Свете, формирование мира отвлечения («проглатывание книг», «приобретение уймы знаний», «завоевывание», и «сведение счетов»). Это период их совместной жизни и его бегство на войну – Паша всё меньше живет и всё больше занимается подготовкой к жизни, согласной его представлениям. Сначала нужно очистить мир от неподобающего и недостойного – от Тверских-Ямских и Лариного прошлого, а потом только можно жить, в этом рафинированном остатке. И наконец, вся жизнь его подчиняется абстрактному принципу; душа замещается в нём волевым усилием (насилием над собой – не хочет увидеть Лару и дочку, пока весь мир не положит у их ног). Вся личность, весь он – становится воплощением усилия. «Неизвестно почему, сразу становилось ясно, что этот человек представляет законченное явление воли. Он до такой степени был тем, чем хотел быть, что всё на нём и в нём неизбежно казалось образцовым»⁵¹.

⁵⁰ Там же. – С. 637.

⁵¹ Там же. – С. 364.

Таким видит Юра Стрельникова при первой встрече. Наверное, не бывает в человеке чего-либо более страшного, более дьявольского и противосмысленного, чем состояние, в котором он полностью становится тем, чем сам хочет быть. «Ясность понятий, прямолинейность, суровость принципов, и правота, правота, правота»⁵².

Таким Юра вспоминает Стрельникова, когда видит его второй раз. Это первое впечатление варыкинской встречи. Он весь есть одна правота. Цена этой безукоризненности – жизнь. Стрельников, в сущности – мёртв. «Точно что-то отвлечённое вошло в этот облик и обесцветило его. Живое человеческое лицо стало олицетворением, принципом, изображением идеи»⁵³.

Таким его видит Лара – не самим собой, а олицетворением. И это первейшая, чисто онтологическая разница. Человек может быть честным, благородным, талантливым, но, если он становится олицетворением всего этого, он мёртв (это не он; он – не он сам).

Так, силой отвлечения создаётся человек-усилие. Человек, ставший изделием самого себя. Состоящий из линий, прочерченных его волей и целеполаганием. Человек принципиально завершившийся, законченный, подошедший к своему итогу. В отличии от Юры, душа которого – горизонт возможности, расходящийся до целого мира во встречах с Ларой (особенно отчётливо это высказано в финале романа), интенциональность жизни Живаго – простор вмещения, лёгкость, необязательность, непринципиальность. Напротив, жизнь Паши – как будто одно большое, неотменяемое следствие однажды принятого решения. Вывод умозаключения из каких-то, оставшихся «за скобками» жизни – жестких, если не сказать жестоких, аксиом. Жизнь, полностью осуществлённая, не оставившая места для возможности, для загадки, для фантазии. Вместо организма – механизм, движение которого

⁵² Там же. – С. 630.

⁵³ Там же. – С. 158.

может быть только заданным, и который, будучи заведённым, только тогда остановится, когда расшибётся о какое-нибудь препятствие. Правота и прямота, не знающая отклонений и потому, идущая к неминуемой гибели. На эту черту в образе Паши обратил внимание Юрий во время их первой встречи – Стрельников обречённый. Потому что строго очерченный. Прямолинейность, односторонность, ограниченность, - в каком-то смысле есть отчаяние. Не зря, путь Стрельникова направляет звезда Мести. Месть – такое явление, которое, в отличие от других событий и переживаний, есть чистая реализованность, не признающая вариантов и вариаций. Подобно тому, как весь Паша Антипов-Стрельников – следствие своих усилий. Инерция, производное, итог. Черта, подведенная под действиями, заключающая (заканчивающая) связи и причины. Подтверждающая прогнозы, диагнозы и закономерности. «Всю новую систему идей, новизну и быстроту умозаключений, насмешливость, всю во имя жалости выработанную вспомогательную безжалостность – всё это впитал в себя и обобщенно выразил собою Ленин, чтобы олицетворенным возмездием за всё содеянное обрушиться на старое»⁵⁴.

Так понимает он революцию. Размах революции – не политический переворот и даже не переустройство жизни. Революция однонаправлена, она не рассчитана на будущее, но есть исключительно отношение к прошлому. У мести нет будущего, это – чистое сведение счётов. Она совершается так, как будто после этого вообще ничего не будет – конец всего.

Законченность, твердость мысли и жизни Стрельникова – основная черта. Выправка и строгость – но потому мёртвое, окаменевшее и слепое существование. И оно таким было сразу. Обреченность – уже в первом разговоре с Юрой и в отношениях с Ларой. Обреченность на то, чтобы сжечь всё вокруг и сгореть самому. А ведь обреченность, это, в каком-то смысле, - упрямство в пути и

⁵⁴ Там же. – С. 637

прямолинейность в самосознании. Это – отсутствие в личности души, вдохновенности в существовании, воплощенности в сущем. Реальность разнообразна, переменчива и легка (потому, что опрометчива, уступчива и необязательна). Смерть – неизбежна, неумолима и, самое главное (главное «открытие» Христа, новость, которую он принёс) – смерть сама себя тяготится. Сама для себя есть тяжесть, непомерный груз, который, однако, и сбросить нет сил. Вспоминая откровение Иоанна и Юры Живаго, мы, конечно, знаем, что, когда сбросим смерть – тогда и не будет её, и тогда будет абсолютная лёгкость. Это придёт вместе с будущим. Но потому и говорю я, что месть – это отсутствие будущего, когда значимо только прошлое. И это прошлое определяет (детерминирует, индуцирует в нас) состояние мести, превращая человека в месть, и определяет смерть как неизбежный метафизический факт, как единственную интенциональность этого состояния. Смерть есть содержание прошлого опыта, её нет в будущем.

От отсутствия души, вакуумности жизни – безапелляционность, вышколенность мысли и суждений Стрельникова. Мечь предполагает мастерское (о)владение жизнью. Отвлечение – сила, лежащая в основании риторических способов мысли, разговора и действия. Человек сознательно прокладывает свой путь по заданной (пусть даже им самим) колее. Подчиняя все свои движения мнимым - строгости, общезначимости, благородству. Об этом говорит Лара как о власти риторики, овладевшей её мужем. «Стало расти владычество фразы... Это общественное заблуждение было всеохватывающим, прилипчивым. Всё подпадало под его влияние... Вместо безотчётной живости, всегда у нас царившей, доля дурацкой декламации проникла и в наши разговоры, какое-то показное, обязательное умничанье на обязательные мировые темы»⁵⁵.

«Обязательные темы», выдуманное, сконструированное стремление переустроить жизнь согласно идеалам – всё это

⁵⁵ Там же. – С. 562

создаётся отвлечением, невозможностью внимать Ларе (Реальности). Паша Антипов стал Стрельниковым – воплощенным усилием, и, как следствие, бездарностью. Единственное живое (безжизненность=бездарность) в нём (то есть, единственное, что достойно всей жизни, что соответствует её размаху) – это само метафизическое основание – мотив Лары, мотив попранной красоты. В этой начальной точке, во встрече с явлением Лары, Паша – ещё естественен, ещё жив и внимателен к действительности. Пусть даже и всё дальнейшее в нём будет противоположно этому. Здесь ещё, его размерность – широта отношения к Целому, а не специальность и ограниченность задачи. Опыт мирозерцания, выводом (умозаключением) из которого станет вся его жизнь. Встреча с женственностью, реакцией на которую станет вся его жизнь. В этом смысле, разговор Живаго и Стрельникова в Варыкине – разговор равных. Разговор испытавших одно и то же, переживших что-то, что обнимает собою всё остальное. Поэтому они так хорошо понимают друг друга:

Только если Пашу эта стихия Воплощенной Реальности смела, уничтожила, то Юре дала творческий заряд, выразившийся в даре свидетельства. Велика ли разница – один был захвачен идеей, другой – образом. Но эта разница – смерть и жизнь. Один жил напряжением усилия, другой – лёгкостью видения (видения), счастьем переживания (проживания) всего сущего разом. Один – исправлял опыт, другой – выражал его. Для Паши темой стала несправедливость судьбы Лары, для Юры – её красота.

Исходный метафизический сюжет – грубость поработает женственность, женственность уступает напору пошлости и бездарности – отразился в двух героях пастернаковского романа прямо противоположно – как несправедливость, как не-должный, не-истинный порядок. И как красота, как исполненность смысла, как совпадение Реальности с собственной сутью (я бы назвал это

определением того, что такое «действительность», или «реальность» – совпадение с самой собой).

Второе столкновение – седьмая глава пятнадцатой части, разговор с Гордоном и Дудоровым. Это иной случай – казалось бы, люди очень близкие Юре по воспитанию и интересам, любящие его, любящие его стихи. Однако грубость, вообще, и в данном случае тоже, это явление не содержательное, а стилистическое – это говорение, которое приходит к обвинению и вынесению приговора как к естественному следствию собственной ограниченности. «Гордон и Дудоров не знали, что даже упрёки, которыми они осыпали Живаго, внушались им не чувством преданности другу, и желанием повлиять на него, а только неумением свободно думать и управлять по своей воле разговором. Разогнавшаяся телега беседы несла их, куда они совсем не желали. Они не могли повернуть её и, в конце концов должны были налететь на что-нибудь и обо что-нибудь удариться. И они со всего разгону расшибались проповедями и наставлениями об Юрия Андреевича»⁵⁶.

Узость мысли и речи разрешается в безапелляционность оценок, требований и счётов. Широта воплощается как абсолютная безоружность и отсутствие аргументов («я не веду войны ни с ними, ни с кем бы то ни было»). И воспринимается как слабость и неспособность жить в меняющихся условиях.

Образ Юры, в этом последнем отрезке романа (и его жизни), запечатляет ту простую суть существования (его простую устроенность), что любовь и творческие силы (силы жить) нельзя искусственно воспроизвести, нельзя создавать перманентным индивидуальным усилием. Нельзя подобрать ключи к тайне творческого воплощения, а значит, нельзя и изобрести технические средства для творчества. Бессилие Юры – естественное бессилие. Любовь и бессмертие можно получить только как дар, для их регулярного производства нет станков. Это бессилие нежности. Она

⁵⁶ Там же. – С. 660

могла реализоваться и исполниться только обнаженностью. Только детской безоружностью Юры и Лары. И также естественно их естественная безоружная нежность была поработана и растоптана. Это изображено в эпизоде разлуки, когда Комаровский разлучает их – самый символический, и одновременно, реалистический (сама реальность!) фрагмент романа.

Совсем другое – путь Гордона и Дудорова. Он выдержан и принципиально ограничен. Это среднее, хорошее, добротное мышление, которое знает свою меру, свои пределы со всех сторон. Оно не способно возвыситься, но не может и опуститься.

Друзьям Юры «не хватало нужных выражений. Они не владели даром речи»; «они проводили жизнь среди хороших книг, хороших мыслителей, хороших композиторов, хорошей, всегда, вчера и сегодня, музыки, и они не знали, что бедствие среднего вкуса хуже бедствия безвкусицы»⁵⁷.

«Бедствие среднего вкуса», которое владело Гордоном и Дудоровым, и заставляло их осыпать Юру правотой справедливых упрёков – это ремесленная освоенность, обученность искусству, философии и жизни. Жизнь, мысль, речь состоят в их умелом владении, в границах их техники, их методов, и не выходят за эти пределы. Они, в отличие от Юры, ловки в обращении с действительностью. Им не нужен дар речи потому, что они всегда знают, что и как говорят, потому, что они научились правильному мышлению и речи у хороших книг и в хорошем университетском кругу. Юра нуждается в даре речи потому, что без него он вообще не мог бы говорить. Говорение не ремесло для него, у него нет способности воспроизводить речь всегда, при необходимости, на хорошем, среднем уровне. В нём приостановилось обыкновенное человеческое стремление к освоению всего. Стремление, побуждающее нас спрямлять все встреченные явления и факты согласно какой-то единой логике, исключая из жизни нечаянности и

⁵⁷ Там же. – С. 660

непредсказуемости, умерщвляя всё естественное в словах и мыслях. Отсутствие умелости, сподручности в обращении со словом и мыслью, рождает (в случае Живаго – почти биологическую) нужду в даре речи.

Самый простой способ описания этого онтологического устройства, соотношения дара речи и бездарности закономерного и справедливого рассуждения – это описание формы связи между мыслью и словом. Слово как дар перестаёт быть служебным, инструментальным по отношению к мысли. Это не способ выражения какого-то содержания, отличного от выражения. Слово само значительно, оно само себя выражает в мысли и речи. Мы не можем обращаться с этим Словом, сделать его методом или приёмом. Не я придумываю мысли и при помощи слов выражаю их, но Слово выражает себя в моих словах и мыслях.

Мне представляется, что одной из содержательных сторон обозначенного мной столкновения, справедливости фарисейства (Стрельникова, Гордона и Дудорова, Ливерия, Комаровского, дворника Маркела, успешных врачей, мальчика Васи и др.) и лёгкости живаговской беззаботной метафизики, является столкновение власти риторики (подчинения слова законам прямолинейного мышления, их заговаривающей, заштамповывающей силе) и Слова, одаривающего неспособных обучиться риторике, оставляющего свой отпечаток в той мысли и речи, которая себя не насилует. В том же эпизоде, в разговоре с друзьями, Юра говорит о болезнях и смерти, которые несёт с собой противоестественное обращение человека с собственной душой. Как ни парадоксально, но чтобы иметь убеждения, мировоззрение, выраженные в риторической самоуверенности речи, нужно «убить себя», убить «тело» души – требуется совершать насилие над очевидностью опыта. «От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведённого криводушия. Нельзя без последствий для здоровья изо дня в день проявлять себя противно тому, что чувствуешь... Наша

душа занимает место в пространстве и помещается в нас, как зубы во рту. Её нельзя без конца насиловать безнаказанно»⁵⁸.

Суть разговора Живаго с Гордоном и Дудоровым для меня в том, что ограниченность их мысли и речи, это не недостаток каких-то качеств или способностей. Это ограниченность онтологическая, слепота души. Эту слепоту замещает в них риторика общих фраз и узость грамотно построенных рассуждений. Не случайно, в конце, перед своей смертью и перед последней (уже после смерти) встречей с Ларой, Живаго пропадает из поля их зрения (в квартире, которую снял для него брат Евграф) – они не видят его. Теперь он, напротив, исполнен вдохновения, душевного, творческого подъёма, и друзья не знают, где (в каком месте?) он находится, как во время описанного разговора не видели его и не знали, где он находится. Столкновение Живаго с друзьями примечательно также тем, что в нём дошло до логического завершения противопоставление в романе отвлечённой философии и жив(а)ого сознательного опыта. Миша Гордон – «профессиональный» философ из университета, последователь Николая Николаевича. И мне видится в этом разговоре естественный исход философии, слепой к онтологии мест, расположений, позиций и состояний. Она обречена быть точкой зрения, выражением очень узкой, ограниченной области сущего (даже если эта область очень важная, например, этическая). Эта узость воспринимается ею самой как последовательность и стройность рассуждения и становится укором всему, что лежит за пределами этой области сущего.

Глава 3. Воплощение и видение: к вопросу о возможности феноменологии воплощения

В Юре Живаго воплощается определенный способ существования, замещающий в нём его собственную индивидуальность. Точнее, сам становящийся этой индивидуальностью. Выталкивающий из него его самого. Этот

⁵⁸ Там же. – С. 663

способ существования завязывается метафизическим вниманием к реальности, буквально как болезнью поразившим его. Завороженностью жизнью как разворачивающимся на глазах свидетеля и включающим его в свой поток – гармоническим действием. Завороженностью мировым целым как пленяющим обаянием женственности. Не случайно, в партизанском плену, одно из видений-видений настигает Живаго под влиянием слов *ворожеи*, обещающей партизанским женам влюбить в них любого, кого они захотят. Живаго приворожен Ларой – и Реальностью как таковой. Приворожен Реальностью как Ларой. Мы назовём этот живаговский способ существования *мировосприятием*. Не одним среди других, а мировосприятием как таковым – восприятием Мира. В отличии от мировоззрения – системы представлений о мире, мировосприятие есть скорее особый опыт вовлеченности в мир (в мировое действо). Опыт видения-видения мира, не отстраненного, но поддающегося его воздействию, влекомого им. Мировоззрение о-пределяет мир (заклучает его в предел, расчерчивает его прямыми линиями), чтобы на основании этих определений действовать в нём как в пространстве действия. Мировосприятие же принимает неопределенность Мира (безграничность, неукладываемость в предел). Принимает Мир как непредсказуемое, самобытное, творческое действие.

Пастернак полагал подобный опыт мировосприятия нутром, сутью искусства. Оно есть тот переход, эпифеноменом которого является художник. Его труд – свидетельство об этом переходе.

В нескольких фрагментах романа, Живаго говорит об особом понимании искусства не как индивидуального творчества, материалом которому служат воспринимающие способности пяти органов чувств, а как о бытийном опыте, материалом которого является самое общее восприятие и дело. «Давнишняя мысль моя, что искусство не название разряда или области, обнимающей необозримое множество понятий и разветвляющихся явлений, но, наоборот, нечто узкое и сосредоточенное, обозначение начала,

входящего в состав художественного произведения, название примененной в нём силы или разработанной истины»⁵⁹.

Значит, во всяком творчестве, кроме того, что в нём используется определенная техника и замысел, кроме того, что оно является результатом какого-то мастерства и применения различных наших способностей, присутствует также нечто едва уловимое – какой-то общий дух творения, искусства, образа (образности вообще, образа как такового), в конце концов, опыт восприятия красоты. Искусство видит и описывает мир преобразенный, воспламененный опытом – общим *чувством реальности*. «Наставленное на действительность, смещаемую чувством, искусство есть запись этого смещения»⁶⁰.

Это чувство – не индивидуальный взгляд, мнение или представление, а скорее – чувство как таковое. Не принадлежащее никому, и ничему в отдельности не соответствующее, чувство реальности вообще, не отделимое от самой реальности. А точнее, сама Реальность и есть это смещающее, сдвигающее метафизическое чувство. Реальность есть чувство реальности. Это чувство становится содержанием творческого воплощения.

Вот я сел писать рассказ или стихотворение, у меня есть свои методы, свой стиль и т.д. Но ещё прежде, чем я, со своим стилем и талантом, кто-то как бы уже приступил к этому, нечто уже сделано с миром, испытан какой-то опыт, что-то выяснено и обнаружено. И в каждом произведении, кроме примененных в нём индивидуальных способностей, применена какая-то бытийная сила – создано особое устройство, настроена особая ладность, звучность, воспринимаемость вещей, мыслей и чувств. То есть, стихотворение, кроме размера и стиля, говорит нам о том, что когда поэт сел за стол писать его, всё уже было сделано для того, чтобы он его писал, и когда мы читаем

⁵⁹ Там же. – С. 405

⁶⁰ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 4. Повести; Статьи; Очерки / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 187

его, всё в нём и в нас уже готово к тому, чтобы оно было прочитано. Только вот перечислить это всё, как перечисляем мы тему, стиль, направление, невозможно. Это какая-то общая светлость, прозрачность сущего: испытанность и пережитость всего, связность всего со всем, всего ко всему отнесенность, и всего всем читаемость и понимаемость. И уже отдельные ремёсла – живопись, поэзия, и т.д., являются производными от этого метафизического акта – встречи с Реальностью. «Искусство всегда служит красоте, а красота есть счастье обладания формой, форма же есть органический ключ существования, формой должно владеть всё живущее, чтобы существовать, и таким образом, искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования»⁶¹.

Искусство творит красоту и гармонию не усилием создания, а распахнутостью восприятия. Оно не придумывает, а описывает. Рассказывает, как рассказывают о каком-нибудь событии или происшествии. Искусство – новость, весть. Весть о «счастье существования». Особенность человека искусства не в том, что он что-то умеет, чего не умеют другие, или ему что-то дано, что не дано другим, и даже не в том, что он что-то видит, а в том, - что видение, в его случае, необходимо влечёт говорение. Он может не видеть, но если он видит, то он не может не выразить этого. Всё остальное – мастерство, оригинальность и т.д., производны от этих двух (неразличаемых) элементов творчества – видения и выражения. Здесь действует принцип короткого замыкания – в сознании (в смысловом поле) художника расстояние между видением и рассказыванием о нём равно одному мгновению, и оно не контролируется видящим/говорящим.

Поэтому творение, произведение искусства, это в первую очередь (онтологически) – откровение (о чём-то), а не создание чего-то. Откровение – о «счастье существования». Творческое,

⁶¹ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 628

созидательное начало искусства заключается не в создании книг и картин, а в вознесении души до самой себя, до своей сути, до бесконечности жизни и иллюзорности смерти. «Непрестанно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь»⁶², – так определяет Живаго смысл искусства, в день своего второго откровения, в день второй встречи с Ларой.

«Творит» не значит: производит, создаёт, не в том смысле, что жизни не было бы без искусства. «Творит жизнь» значит: свидетельствует о победе жизни над смертью. В этом смысле первое искусство – откровение Иоанна Богослова, откровение о том, что «смерти не будет». Смерть – это прежнее, прошлое, призрак какого-то другого, невдохновенного, нетворческого существования. Счастья спящего, нераскрывшегося, не расправившего крылья, не знающего о самом себе. Существования, которому смерть необходима была в качестве судилища или границы, отделяющей одно от другого – «эту жизнь» от «вечной жизни». И вот этой границы и этого осуждения не будет, оценивающее анатомирование жизни сменилось искусством – чувством единства жизни. «Смерти не будет» означает, что нет отдельно вечной жизни и жизни нашей, человеческой – точка, разделяющая их, исчезнет в тот момент, когда мы будем проходить её. Вот эта наша жизнь, которую мы сейчас проживаем, всё происходящее в ней, все её открытия и утаивания, обретения и потери – это и есть вечная жизнь, та самая, которая была до того и будет после. Время, прошлое-настоящее-будущее, поток, в котором происходит всё происходящее с нами – это и есть вечность.

Вечность как таковая не длится, она едина и проста. Но длительность – это воплощение вечности. Вечность осуществляется как время. Поток мгновений, протекание одного за другим – это движение вечности. Танец, который танцует вечность. Время – это карта вечности, её изображение, облик. Каждый из отдельных

⁶² Там же. – С. 163

фрагментов времени – черта лица вечности. Время – образ вечности, в том смысле, в каком жизнь-bios – образ жизни-zoe.

Художник не создаёт художественный образ. Он видит его, воспринимает. Этот художественный образ – его жизнь, ставшая место осуществления силы бессмертия. Восприятие явления себя, восприятие явления своего пути и своей жизни, восприятие происходящего внутри самого себя – это и есть действительное творчество. Присутствие при том действии, местом осуществления которого стал ты. Присутствие при творческом преобразении и освобождении (своей) жизни. Присутствие при осуществлении творящей силы вдохновения. Свидетельствование об этой самой реальной и действенной из всех сил.

Это и есть тот способ существования, который замещает в Юрии Живаго его самого. Он свидетельствует о самом себе как о фрагменте жизни-бессмертия, побеждающей смерть. О самом себе, как о победителе смерти. Описывает свою жизнь как протяженную и явленную во времени победу бессмертия. Описывает свою жизнь как Воплощение силы бессмертия. Как свидетельство о том, что «смерти нет». Жизнь Живаго – как бы комментарий к его Воскресению. Воскресшая и преобразенная жизнь, увидевшая сама себя. Это специфическая живаговско-пастернаковская оптика – видение мира как бы из воскресения, после воскресения, как совершающееся на наших глазах воскресение и преобразование. Точнее всего описана она в стихотворении «Август».

В нём, лирический герой, умерший на праздник Преображения, видит (во сне) всё происходящее со стороны и прощается с жизнью как бы уже из другого состояния, из мира, «не тронутого распадом». Преобразование здесь – то, что уже случилось, развернулось и стало (миром вокруг). Смерть – то, уже преодолено, чего нет. Воскресенье – новое рождение, из которого возник и утвердился новый человек и новый взгляд. Смерть и похороны, в действительности, не смерть и похороны, а выход всей жизни на свет, переход всего в новое, светлое

существование. Смерть утратила значение символическое и не обрела реальное. Из того, чего «не будет», она стала тем, чего нет (и не было). Характер видения, которое пытается передать Пастернак, заключен в том, что он видит всё из уже преобразённой реальности (это значит, уже осознав, что никакой другой и нет; что реальность – это и есть преобразование), как бы умерев и воскреснув.

Мировосприятие Живаго – взгляд воскресшего человека. Взгляд, прикованный действительностью преобразования (а точнее – всей природой и всей жизнью как преобразованием). Оттого реальность его жизни и описывающего её реалистического романа такая странная – ускользающая, мерцающая, сновидчески зыбкая. Ведь и правда – логика сюжета и образов «Доктора Живаго», похожа, скорее, на один большой сон, как если бы кому-нибудь могла присниться целая жизнь – счастливая и печальная, пугающая и успокаивающая. Это реальность боговдохновенная, в основании всех её движений – чудо, невынужденность высшей свободы.

Реальность – преобразование, переход в новое, очищение. Жизненный путь человека – это не путь к воскресению, а он сам и есть с самого начала – событие воскресения. Освобождение – это сама действительность всего происходящего с нами. Преобразование – характер движения действительности, её действие и выбор, её шаг навстречу человеку. Нет иллюзий и подлинности, а есть только переход из мира иллюзорного в мир подлинный. Юра Живаго не проходит путь от заблуждений к истине, он *сразу* движется – чувствует, думает, живёт и говорит обо всём этом – внутри истины. Истины подвижной, чувствующей, думающей, живущей, и говорящей обо всём этом: о себе как о живом существе. Живаго не может отклониться от верного пути, потому что путь – это и есть верность, а сущее – и есть истина. Это не путь, который приводит к видению истины. Он сам – этот путь, и есть, протяженное в пространстве и времени, видение истины, стояние у истины. Это естественный способ зрения. Он приводит, в логике судьбы, к

способности это естественное зрение актуализировать и выразить (тогда Юра встречает Лару и пишет стихи). Истинность, подлинность, красота реальности – не требуют усилий, чтобы быть с ними и видеть их, это такая же естественная данность как явления природы и повседневного быта. На этом закручено евангельское повествование и этому подражает Пастернак-Живаго в стихотворениях из романа – истина – это повседневность, постижение истины — это явление природы, уклад жизни гения и бога – это наш быт. Жизнь светоносна, а Свет – живой. Независимо от угла зрения и функциональности осветительных приборов.

Реальность – воскресшая, ожившая, вдохновенная. В этом смысле, более всего образ Реальности подобен образам, запечатлеваемым искусством. Художественный образ живёт как бы своей жизнью, развиваясь по своим внутренним законам – автор просто видит и описывает эти движения. Подобно этому и вся жизнь как художественный образ – самостоятельная, деятельная, творческая сила. Со своим характером, со своим независимым внутренним строем, со своей логикой. Мы узнаём его, знакомимся с ним, в его самоосуществлении, в его действиях, проявлениях. В непредвиденной, непредсказуемой, вольной манифестации. Не знаящем границ и меры, широком и размашистом действии. Молниеносном, сверкающем, ослепляющем своей остротой.

Реальность – щедрое, не знающее меры, фонтанирующее самовыражение. Переполненная до краёв полнота, неспособная удержаться в себе, разливающаяся на всём протяжении существования. Её основания – не какое-то, предшествующее ей, определенное начало. Это особая внутренняя полнота самой жизни. Её воодушевлённость, вольность, жажда простора для самореализации. Окрыленность, приподнятость, исполненность духом. Воздушность существования. Вдохновенность воплощения – единственная «субстанциальная» черта реальности.

Теперь я попытаюсь описать несколько черт, которыми мерцает, переливается воплощенная реальность, которые точнее всего выражают её характер и стиль.

Первая такая черта – *явленность*. Образ Жизни выражает Жизнь как явление.

Явление нельзя создать, придумать, интерпретировать. Можно только свидетельствовать о нём, быть ему свидетелем. Чистая онтология – что-то есть, что-то произошло, что-то исчезло, что-то ещё будет или уже нет. Независимо от углов зрения и подходов к этому «что-то». И потому, в этом «что-то», произошедшем, сущем, будущем, возникнувшем и исчезнувшем – вообще происхождение, сущее, будущее, возникновение и исчезновение. Как таковые. Внимание к этому есть как бы разфокусированное восприятие всей необъятной широты, размаха Целого. Оно устроено не как субъектный акт, производящий что-то, а как простое присутствие здесь, при самосущих, саморазвёртывающихся событиях и вещах. Быть очевидцем, свидетелем явления Реальности и свидетельствовать, рассказывать о нём – одновременно и минимум, и максимум того, что может случиться с человеком, его назначение, смысл его существования.

Свидетельство связано с особым ощущением искренности всего, неподдельности происходящего с нами. Мир – необозримый простор самоценных, отмеченных смысловой законченностью, фактов. Счастье существования это осуществленность сущего. То, что мы видим, когда видим. То, что прельщает (захватывает) наше внимание. То, при чём мы присутствуем. Это образ мира – такой, каким он встречает нас каждое мгновение (даже тогда, когда мы не замечаем этого). Не замечаем не потому, что это очень трудно, но скорее напротив – потому что это очень легко и поверхностно. Оно проскальзывает мимо всякого усилия, и заметить его можно только отказавшись сделать это. То есть, не я его замечаю, но оно отмечает меня как свидетеля своего действия, своего эффекта. Мир, внезапно

вышедший навстречу и заставший, тем самым, врасплох. Быть «застигнутым врасплох» и есть самая большая удача нашего существования. Явление жизни может быть явлено только тому, кто этим явлением застигнут врасплох. Подготовиться, быть готовым, здесь означает – упустить. Пройти мимо явления, пожертвовав восприятием целого мира ради освоения отдельных его областей и предметов.

Явление невозможно схватить не потому, что оно трудно схватывается или у нас недостаточно для этого возможностей. Оно не схватывается потому, что схватывание – это вообще не про него. Явление не схватывается потому же, почему не ловится руками ветер. Оно само по себе такое – ускользающее. Оно само и есть – ускользание.

Явление – текучесть. Ход, полёт, блеск, блик.

Не вещь и не предмет, но скорее – процесс, движение, действие. Читать это слово следует как субстантивированный глагол, отвечающий на вопрос «что происходит?» – Явление, то есть выход на свет, рождение, представление (пред-стояние наблюдающему это взгляду). Поэтому и свидетель явления говорит об этом не как о вещи, а как о чём-то произошедшем, случившемся, как о событии. Явление — это происшествие, а свидетельство это новость, весть о нём. И вместе с тем, явление чего-то есть также и явление явления – явленность мира. Некий общий мировой процесс. Происшествие, или событие жизни, совершающееся при нас. Самый большой, самый общий случай, которому все мы свидетели.

Вторая черта воплощения реальности – это *счастье*. То, что всё происходящее есть счастье. Не в психологическом, а в онтологическом смысле (не как психологическое состояние человека, а как сущностная черта существования вообще).

Явление, совершающееся в данный момент, это нечто уникальное, единственное в своём роде, не повторяемое и не повторяющееся. И это, вместе с почти бессодержательной

общностью. То есть, речь идёт не об уникальности какого-то переживания или события, а, о явленной в отдельном моменте, неповторимой единственности существования. О бесценности опыта как такового, независимо от того, какой он – дурной или хороший, праздничный или повседневный, оригинальный или самый обыкновенный. Какая-то особая торжественность свойственна жизни вообще, как будто вся жизнь есть один большой неповторимый момент. Это выражается в остром чувстве реальности, действительности всего происходящего. В ощущении того, что действительнее этого ничего нет. Есть только то единственное, что есть сейчас – в нём всё сошлось и ради этого всё случилось. Ставшее здесь, передо мною, и есть все неисчислимыя века и тысячелетия, необозримые пространства и дали, всевозможные места, ситуации и события. Торжественность (каждого) момента есть та явленность, в которой мир даёт нам знать о себе. Иногда интонация, с которой наша душа стремится быть выраженной, совпадает с этой неповторимостью. И тогда не только окружающее, но и мы сами, наши мысли и чувства, становятся остротой восприятия.

Так случилось, когда Юра потерял Лару. «Душевное горе обостряло его восприимчивость. Он улавливал всё с удесятёрённой резкостью. Окружающее приобретало характер редкой единственности, даже самый воздух. Небывалым участием дышал зимний вечер, как всему сочувствующий свидетель. Точно ещё никогда не смеркалось так до сих пор, а за вечерело первый раз только сегодня, в утешение осиротевшему, впавшему в одиночество человеку. Точно не просто поясною панорамною стояли, спинами к горизонту, окружные леса по буграм, но как бы только что разместились на них, выйдя из-под земли для изъявления сочувствия»⁶³.

Всё вокруг оказывается явным, всё входит в круг его мыслей, в предел его восприятия. Всё сочувствует его страданию, и превращает

⁶³ Там же. – С. 624

индивидуальное переживание утраты любимой в стоящую вокруг ситуацию утраты, разлуку – в утраченность и разлученность, царящие в воздухе.

И всё предстаёт в свете какой-то предельной точки зрения (которая является уже и не точкой, а самим, разфокусированным зрением), в которой всё – горе, лишения, утраты, вся вереница человеческого страдания, оказывается счастьем. Не испытываемым мной в связи с чем-то чувством, но расстилающимся на моих глазах, в моём присутствии, разливающимся по всему простору настоящего, бывшего и будущего, самим веществом жизни. Живым, горящим, пламенеющим и светящимся сущим.

«Плач по Ларе» на страницах нескольких глав романа дополняется стихотворением «Разлука». Лара потеряна, она уходит и её нельзя удержать. Не потому, что хватки не хватает, а потому, что хватка обладания-присвоения, хватка захвата, здесь не работает. Потому что она так существует, такой явлена ему, такой им встречена – как неудерживаемая, неприсваиваемая (неосваиваемая), как ускользающая, и чудом обретаемая вновь. Она и есть разлука и встреча, утрата и дар судьбы. Далёкая, мечтанная, тайная. Смутный, зыбкий, утекающий образ – внезапно вспыхивающий огнём явления. Так и вся реальность, настигающая и ускользающая, движется вдоль пути человека. Сопровождая, ведя его, но не даваясь в руки. То загораясь полнотой реальности присутствия, то скрываясь непостижимой, неохватываемой рассудком загадкой. У неё – своя логика явленности-ускользания. Свой распорядок прикосновений к человеку.

Реальность – обретение-потеря, расходящаяся и встречающаяся с самой собой. И в горе, и в радости, сквозь испытываемые человеком чувства, она проступает веществом всего этого – счастьем существования, - резкостью, контуром, чертой. Очерченностью.

Наконец, третья черта, наверное, самая явная, самая броская и ярко окрашенная, это *судьба*. Вольный порядок движений и встреч

людей. Непостижимый, неподдающийся человеческой (детерминистической) логике, творческий процесс. Замысел его неотделим от реализации. Он весь – в реализованности. Он весь – брошен в действительность, в осуществленность. В спонтанность становления. И потому, его действие необратимо и неподвластно человеку. Судьба – короткое замыкание, которым мгновенно сцепляются и происходят события и люди. Здесь есть только реальность, сошедшаяся, сцепившаяся, совпавшая с самой собой. И нет различия между возможным и действительным (всё действительно). И нет промежутка между замыслом события и его осуществлением (всё реализовано). «...В романе есть попытка представить весь ход событий, фактов и происшествий как движущееся целое, как развивающееся и проходящее вдохновение, несущееся и катящееся, как если бы сама действительность имела свободу и выбор и сочиняла саму себя, отбирая из бесчисленных вариантов и версий. Отсюда – недостаточная обрисовка характеров, в которой меня упрекают (скорее, чем очерчивать их, я старался их затушевать), отсюда откровенность произвольных «совпадений» (этим я хотел показать свободу бытия и правдоподобность, которая соприкасается и граничит с невероятным)»⁶⁴.

Реальность – живая, воздушная, порхающая, цветущая, искрящаяся творческая новизна. Творящая саму себя из самой себя. Ткущая ткань существования из абсолютного материала – из непредвиденности и свободы духа. Чистая реализованность себя. Равность себе. Встречающаяся с собой в своём явлении и действии. И значит – сознание. Жизнь – одушевленное существо. Даже в большей степени, чем человек. Она не просто мыслит, но её мысль всегда тождественна ей самой и её действию. Мысль – энергия. Мысль – встреча. Полная равность сознания самосознанию (и значит, смыслу), и самосознания – реальности. Только дух, и ничего кроме. Огонь

⁶⁴ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово/Slovo, 2004. — С. 524

вдохновения, возгорающий, притихающий, и снова возгорающий. Непредсказуемый, неопределенный, но самобытный и верный себе. Он один – источник действительного тепла и света. Незаменимого никакими искусственными, контролируемыми источниками. Реальность – есть только она сама. Непредвидима, неосновательна, но – только она сама. И потому, воплощение реальности – это совпадение и встреча.

Центральным событием, связывающим в узел все движения судьбы является встреча с женщиной. Это прообраз Встречи как таковой, встречи с реальностью. Когда заходит речь об отношениях мужчин и женщин, нередко приходится слышать мнение, что любовные отношения — это (должны быть) не просто взаимная страсть, влечение, но отношение «по поводу чего-то», повязанное какой-то дополнительной предметностью. Общение, основанное на чём-то общем. Общая тема, общие убеждения, общие увлечения. Соответственно, смысл отношений лежит в этом конструктивном элементе – в совместной деятельности, в общих увлечениях, а не только во взаимной увлеченности. В том, что люди не просто встречаются, но создают этими встречами рабочее поле, в котором трудятся над созиданием самих себя и своих отношений. В том, что вообще люди встречаются именно для взаимного созидания, для диалога, для освоения и производства материальной и духовной культуры (в конце концов для того, чтобы вместе становится лучше, самосовершенствоваться).

Не оспаривая действительность и важность всего этого, я всё-таки не соглашусь с общей расстановкой смыслов, с онтологией любовной связи, так сказать. Бесспорно, любовные отношения конструктивны, и создают поле общности (мнений, размышлений, работы и т.д.), но это, на мой взгляд, эпифеноменально, вторично, поверхностно, производно от самого события встречи, от увлечения, от (ничем не оправданного) взаимного притяжения.

Уже сама материя, вещество любви исполнены значением. То, что люди, порой, не придают смысла той или иной страсти или увлечённости, не значит, что смысла в ней нет. Но значит, по-моему, как раз обратное – она сама и есть смысл. Полностью – неделимо, неразличаемо. Так, что и придание смысла ничего не придаёт, не определяет и не добавляет (но скорее, только подтверждает). Сошлись, встретились, сцепились – «скрещенье рук, скрещенье ног». И всё, и больше нечего к этому прибавить, нечем (и незачем) это оправдать, это – порядок воплощения реальности – «судьбы скрещенье».

Коротко говоря, любовь – это именно связь, а не отношение.

И эта связь сама по себе полна значением. Самим своим фактом, самым своим случаем, самой своей осуществленностью-овеществлённостью. Тем, что просто, вот в этой точке пространства и времени сошлись две линии жизни (а получится ли что-то производительное из этой встречи – это уже потом, это онтологически вторично по отношению к совпадению, из которого она складывается). В этом «перехлесте» судеб, в этой закрутке, в этом узле воплощения – сердцевина реальности, её ось, её исток. Начало жизни, из которого исходит и к которому сходится всё на свете, всё многообразие мыслей, чувств, поступков и отношений.

Не в смысле психологическом (как цель, желание, стремление), а чисто онтологически – как скелет существования, как узловой пункт его внутренних движений. Как то, что как бы прошнуровывает жизнь – связывает, перетягивает, все события и переживания между собой (даже если не имеет сознательного отношения к какому-то из них).

«...на озарённый потолок
ложились тени
скрещенья рук, скрещенья ног

судьбы скрещенье...»⁶⁵.

В каком-то смысле, все разговоры, диалоги, все социальные и культурные величины – тени, падающие от скрещенья рук и скрещенья ног? От совпадения, от встречи, от пересечения линий, прочерчиваемых судьбой. В основании всего нашего опыта – свидание. Взгляд ко взгляду, тело к телу, душа к душе. Мысль к мысли, чувство к чувству – сама реальность есть свидание. Совпадение с самой собой. Совпадение, которое готовится судьбой, а делается людьми. Логика (порядок), которого – судьба, а эмпирика (факт) – встреча мужчины и женщины. Их влечение друг к другу. Влечение всего ко всему и всего со всем – совпадение. Совпадение, взаимное впадение друг в друга, попадание друг в друга – мужчины и женщины.

Даже если люди сами не придают этому значения – Значение уже само заключено здесь. Сама эта любовная завязка, сцепка – есть Значительность. Означающее не какой-то конкретный смысл, но значимость как таковую. Символичность существования. Символ в самом общем смысле – совпадение, встреча. Совпаденность, встреченность существования. Символичность жизни в её совпадении с самой собой. В том, что завязывается она на совпадении. В том, что разнообразные её движения сцеплены этим совпадением. Закручены («повёрнуты», «сдвинуты») на взаимовлечение мужчины и женщины. Закручены этим влечением – именно самим по себе, во всей его необязательности и неоправданности.

Необязательность, нечаянность – коренные черты любви, и очертания (вид, облик) всего существования. Отсутствие закономерности, отсутствие смысла маленького, конкретного, означает присутствие Смысла большого, осмысленности как общего свойства жизни.

⁶⁵ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 726

Это тот узел, водоворот воплощения, завязывавшись в который, Реальность встречается с самой собой, не являясь ничем больше. Только – простым порядком (шествием) встреч и взглядов.

Здесь – точка пересечения различных смысловых линий, сердце напряженного движения жизни. Здесь развязываются одни и закручиваются другие связи и отношения, перестают иметь значение и последствия одни причины и загораются действием другие. Перестаёт действовать прошлое и вступает в свои права будущее, новое, неизведанное. Приходит новая жизнь – во всех смыслах, как Жизнь большая, которая всегда новая, которая сама есть новизна, и как жизнь нового человека. И та, и другая, возникает из вещественности любви, из вещества встречи с женщиной. И та, и другая, плетётся из этой связи. Любовь – ткань новой жизни. Уходит всё прежнее – мутное, неопределенное, основанный на страхе и неуверенности мир. Мир тяжёлых мыслей и чувств, не имеющих ни реализации, ни выхода – то есть, не переживаемых и не выражаемых. Женственность приносит с собой дар слова – мир прозрачный, проживаемый и продумываемый на самых широких началах – началах мысли и речи. Мир, в основании которого – сказанность, выраженность, осмысленность. Смысл и Слово как общая суть жизни обретают лицо.

Выраженность и явленность, получившие выражение и ставшие явлением. Образность, воплотившаяся в образ. Воплощаемость, осуществившаяся в плоть. Это одна метафизическая черта, черта живой реальности, выраженная в стихии женственности и встречаемая в лице женщины.

Другая – это нечаянность, нескладность Воплощения, его беспомощность и неспециальность, и одновременно, одарённость – широта, лёгкость и естественность.

Эти две черты характеризуют воплощенную реальность как Вдохновение, об этом говорил я ранее. И эти две черты действуют и приносятся стихией женственности и воплощаются в её проявлении.

Стихия женственности родственна, созвучна стихии вдохновения и освобождения. Единство, симфония их настроений – новизна реальности, лёгкость, необязательность и неискренность.

«Любовь всегда пора нового: нового существа, нового мира, нового периода, зазванность, завербованность в новое. Когда Лара казалась ему заслуженною, заработанною? Ни сила чувства к ней и преданности, ни достижения реальной работы не оправдывали её в его душе как завоёванной цели и добытой награды. Но когда пробуждение творческой жилки, новая мысль, наполняли его радостью и подымали в собственных глазах, у него являлось восхищённое торжествующее чувство общности породы с её красотой, он вдруг открывал в себе товарища её женственной прелести, товарища, брата, загорающегося недозволенной страстью к сестре своей»⁶⁶.

Этот фрагмент из черновиков романа должен был быть включён в тот фрагмент, где Живаго возвращается из Юрятина в Варыкино и его берут в плен партизаны. Выше я говорил уже об этом фрагменте как об образе Вдохновения – силы, пронизывающей реальность и объединяющей самые различные явления. Эта сила – онтологически равна женственности, ответ ей, отклик на её голос. Этой силой «берёт» Лару Живаго, которому и брать больше нечем (за принципиальным отсутствием средств и инструментов, и инструментальности как таковой). Да и это, по мерке «чего-то» – ничто. Да и это, не его качество или умение, а общая черта, общая сила жизни, её движение. И вновь приходится вспомнить Антипова, у которого, напротив, было всё, кроме этого. Ему нечем было ответить этой красоте. У него не было в арсенале всего воплощённого сущего, всей творческой силы, силы бессмертия. «Она ведь умопомрачительно хороша, просто теряешь голову, в глазах темнеет! А может быть, он запуган и раздавлен её красотой, и его хвалёная,

⁶⁶ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; подгот. Текста и коммент. В. Борисова и Е. Пастернака. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 624

незаподозренная любовь к ней не больше, чем простая растерянность перед её внешним и внутренним превосходством»⁶⁷.

Антипов, ставший Стрельниковым, державший в страхе половину страны, так и не добился Лары. В чём превосходила её красота все его многочисленные достоинства и победы? Всё в том же. Лара слишком легка для такого громоздкого, основательного человека как Антипов. Слишком чуждо её органическое чувство красоты жизни – его воле к искоренению всякой несправедливости. Слишком естественно вся она, её поведение, её мысли и чувства, уложены в ландшафт жизни, в расстановку событий и смыслов на её метафизической карте. Ту же струну вдохновения, ту же лёгкость души, нашла она в Юре. «И она ощутила волну гордости и облегчения, как всегда с ней бывало при мысли о Юрии и в недолгие промежутки жизни вблизи его. Веяние свободы и беззаботности, всегда исходившее от него, и сейчас охватило её... Ей хотелось хоть ненадолго с его помощью вырваться на волю, на свежий воздух из пучины опутывавших её страданий, испытать, как бывало, счастье освобождения»⁶⁸.

«Счастье и освобождение» – может быть, самое частотное и броское выражение из тех, которыми описана последняя встреча Лары и Юры у его гроба. Это те бытийные силы, которые родились и выросли из их встречи, и которыми наполнится всё в финале романа.

Её красота для него, его творческая свобода для неё, и для них обоих – вся жизнь и вся любовь – были прикосновением возвышающего и преображающего ветра.

Не случайно, именно время и обстоятельства близости с Ларой становились для Юры открытыми местами – местами Встреч-Воплощений.

⁶⁷ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; подгот. Текста и коммент. В. Борисова и Е. Пастернака. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 567

⁶⁸ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 684

Первое такое время – та самая ночь, с которой начинается его путь. Проезжая мимо окна с горящей свечой, он понимает, что «Блок – это явление русского рождества» и надо писать не аналитическую статью, а «поклонение волхвов» – то есть, расступиться перед явлением (Блока). В этот момент, для Юры, Блок, бывший кумиром, стал явлением. Рождением, возникновением – то есть, самим собой как реализовавшимся, воплотившемся, ставшем, осуществившемся. И конечно, это – вместе с самой явленностью, реализованностью, осуществленностью, воплощенностью. Мир предстаёт как рождение, явление, которому нужно принести дар, отдать дань, восхитится и поклонится. Здесь из Юры родился поэт, способный уступить силе вдохновения, силе высказанности жизни, любви, предназначения. И в этот момент, ему казалось, что огонь свечи, горящий в огне дома на Камергерском, отвечает ему «почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало»⁶⁹. Это взгляд самой Реальности, самого сознания – встретившихся с собой. И это взгляд Лары (она в этой комнате, в этот момент, объясняется с Антиповым), этот огонь – женственность. Её встречное динамическое действие, отвечающее вдохновению. Этот эпизод, мне кажется, важнейший из всего множества совпадений и встреч, описанных в романе. Встреча Юры и Лары здесь так и остаётся неизвестной для них обоих. В конце они вновь случайно встречаются здесь, когда Юра, снимавший эту комнату на Камергерском, умирает здесь и его хоронят, а Лара, только вернувшаяся в Москву, заходит сюда просто по старой памяти. В том, что встреча в том далёком вечере, с окном и горящей на столе свечой, так и остаётся неведомой им обоим, заключается глубочайший метафизический пафос Пастернака – мы все повязаны, завязаны в вихре воплощения, глубокими, неизвестными нам самим связями и ходами. Мы можем обнаруживать эту увязанность только в ощущении взгляда,

⁶⁹ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 151

следящего за нами. Онтологического взгляда, взгляда самой Реальности. Освещающего наш путь как горящая в окне свечка осветила всю жизнь Юры Живаго, всё написанное и пережитое им.

Помимо нашей воли и сознания, помимо всего, что мы можем видеть на поверхности, мы уже вплетены в жизнь и переплетены внутри неё, таинственными узлами, одной ей, жизни, известными. Даже самые внимательные глаза и самые чуткие души, как Юрина и Ларина, пропускают самое нутро жизни, самое первое и самое главное её метафизическое событие – встречу с ней самой. Она случается с каждым, и никто её не видит. Она всплывает в нашей жизни только ещё в одном событии. Таким же стихийном и необходимым одновременно. В каком, Пастернак поясняет в знаменитом поэтическом комментарии на этот эпизод из романа:

«На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно
Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела»⁷⁰.

Встреча мужчины и женщины – выражение той первой встречи человека с самим существованием, той потаённой связи, в которую мы все изначально вплетены.

Другой эпизод – встреча Юры и Лары в Мелюзее. Здесь, в жизненном пространстве Живаго, наэлектризованном женственностью Лары, сходятся ритмы большой истории и индивидуального пути. Любовь становится революцией в его жизни,

⁷⁰ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 726

синхронизированной с происходящим вокруг. Вместе с Ларой, на этот раз, врывается в его душу новизна жизни, Новое как освобождающая, очищающая реальность. Новое как наступающее наступившее, грядущее настоящее. Действительность, не оставляющая, уже не оставившая – ничего прежнего. Ничем прежним не связанное, не обремененное ничем, и ничем не определяемое (не детерминируемое). Будущее, которое уже, легко и безоговорочно, настало. «Новое было также предметом мыслей второго круга, но насколько другое, насколько отличное новое! Это было не своё, привычное, старым подготовленное новое, а произвольное, неотменимое, реальностью предписанное новое, внезапное, как потрясение... Таким новым была сестра Антипова...»⁷¹.

Третий эпизод – их близость после партизанского плена, и особенно – время, проведённое в Варыкино. И – прощание с Ларой. Здесь, кроме того, что Юра записывает лучшие стихотворения, он видит образ Лары как сквозной, сплетающий его жизнь в единое полотно, в единую линию. Синхронизирующий отдельные события и смыслы, мысли разных лет. Иначе говоря, он видит Лару как видение, как единый облик всего произошедшего с ним. «Ты недаром стоишь у конца моей жизни, потаённый, запретный мой ангел, под небом войн и восстаний, ты когда-то под мирным небом детства так же поднялась у её начала»⁷².

Лара очерчивает его жизнь, придаёт ей характер. Придаёт ей (жизни) – образ, как форму.

И одновременно – образность, как силу. Силу проявления и действия. «Когда ты тенью в ученическом платье выступила из тьмы номерного углубления, я, мальчик, ничего о тебе не знавший, всей мукой отозвавшейся тебе силы понял: эта щупленькая, худенькая

⁷¹ Там же. – С. 251

⁷² Там же. – С. 590

девочка заряжена, как электричеством, до предала, всей мыслимою женственностью на свете»⁷³.

Этот предельный, равный по широте и интенсивности явления, заряд женственности либо убивает, того, кто дотронулся, либо заряжает энергией восприятия, удивления, впитывания красоты и жизни (бессмертия). «Мне было до смерти жалко себя, мальчика, и ещё более жалко тебя, девочку. Всё моё существо удивлялось и спрашивало: если так больно любить и поглощать электричество, как, вероятно, ещё больнее быть женщиной, быть электричеством, внушать любовь»⁷⁴.

Стихия женственности – заряд любви. Неистоимой, не знающей меры. Неиссякаемым источником она разливается по всему сущему, захватывая свидетеля своим потоком. Не укладываясь ни в какие внешние рамки.

Стихия женственности не признаёт подхода, не признаёт умения, навыка, способности. Она ускользает от всякого, кто подступает к ней с тем, чтобы схватить, овладеть при помощи чего-то, у кого есть это что-то – приёмы и методы познания и обучения, максимы поведения. И в этом смысле образ женственности есть образ Реальности. Как не может овладеть Паша Антипов Ларой, также не даётся ему и от него ускользает сама действительность всего пережитого и испытанного, с какой бы стороны он к ней не подступился (как революционер, как солдат, как учитель и т.д., в конце концов – как образцовый во всех смыслах человек). То в одном, то в другом (но всякий раз – в совершенстве освоенном) своём качестве он брался постигать или переделывать мир, всегда неудовлетворённый и живущий напряжением, но сама Воплощённость так и не открылась ему. И с той же лёгкостью и естественностью, с какими Лара встречается Юре и проникает в его

⁷³ Там же. – С. 591

⁷⁴ Там же. – С. 591

судьбу и творчество, сама Реальность «знакомится» с ним и признаёт в нём «своего».

Здесь я попытаюсь сформулировать одну из главных метафизических идей моей работы. Наверное, лучшей частью «Доктора Живаго» является книга «Рябина в сахаре» и весь фрагмент о пребывании Юры в плену у партизан. Здесь, будучи совершенно одиноким среди чужих по душевному складу людей, он часто остаётся наедине с природой, с существованием как таковым. Воспоминание о Ларе, её образ, воспринимается как образ Мира. Тоска по Ларе – сливается с естественной тоской человека по единству с Миром. «Юрий Андреевич с детства любил сквозящий огнём зари вечерний лес. В такие минуты точно и он пропускал сквозь себя эти столбы света. Точно дар живого духа потоком входил в его грудь, пересекал всё его существо и парой крыльев выходил из-под лопаток наружу»⁷⁵.

Вся жизнь и всё сущее собирается в единый световой поток, окрыляющий душу и проясняющий сознание. Но поток не бесформенный, а имеющий лицо и вид – образ. «Тот юношеский первообраз, который на всю жизнь складывается у каждого и потом навсегда служит и кажется ему его внутренним лицом, его личностью, во всей первоначальной силе пробуждался в нём и заставлял природу, лес, вечернюю зарю и всё видимое преображаться в такое же первоначальное и всеохватывающее подобие девочки»⁷⁶.

Поток или сила, обретшая образ. И образ – не как статическая картина, а как динамическое начало, пробуждающееся и преображающее действие. Образ не как изображение, а как преображение – становление образом, переход из безобразного состояния в образ, принятие образа, обретение образа, обретение лица. «Лара! – закрыв глаза, полусшептал или мысленно обращался он

⁷⁵ Там же. – С. 484

⁷⁶ Там же. – С. 484

ко всей своей жизни, ко всей божьей земле, ко всему расстилавшемуся перед ним, солнцем озарённому пространству»⁷⁷.

Женственность – первообраз Воплощения, её лицо.

Преображение – переход в состояние образности, превращение в образ.

Реальность, со всем своим характером осуществляется и воплощается в образе женщины. Черты этого характера в общем смысле описаны были нами выше: 1) нечаянность, нескладность, вольничая и играющая взбалмошность; 2) неспособность быть силой и правотой, неспособность к напору, к противостоянию насилию и грубости. Эти черты, этот женственный облик жизни определяет её порабощение, пленение, закрепощение силой прямолинейности и власти. Освобождение женственности – творчество человека. Вдохновение проникает в жизнь и приносит освобождение – через творческое вдохновение человека. Выше мы уже говорили о близком нам пастернаковском понимании искусства и творчества. Это не «писание стихов» и не «рисование картин». Важны не конкретные формы выражения, а сама выраженность как форма существования. Не род деятельности; не то, что делает или умеет делать человек, но та сила, что действует в нём, и само действие этой силы. Простор явленности, а не отдельные явления. Красота, а не умение её запечатлеть. Вдохновение и лёгкость, царствующие в творчестве. Окрылённость, которая и есть творчество в самом общем и единственно реальном (онтологическом) смысле. Свобода от всего, что держит и мучает, от всего прежнего, от всей усталости и всего страха, накопленных душой. Творчество в таком понимании и есть то мировосприятие, которое до противоположности исключает грубость и прямолинейность восприятия, огрубляющие и спрямляющие жизнь, и порабощающие женственность, вообще – порабощение как форму существования.

⁷⁷ Там же. – С. 484

Прообраз творчества – события, описываемые в одном из сюжетов Евангелия. Этот сюжет, яркий, известный, открытый для различных интерпретаций, мы возьмём в одном фокусе – в том, в котором он описан в стихотворении Юры Живаго и в «лекции» Симушки Тунцевой. Это седьмая глава Евангелия от Луки. Девушка с алавастровым сосудом, грешница (условно, Мария Магдалина), в доме фарисеев.

Прообраз художника, через которого действует освобождающее вдохновение, который щедро рассыпает это вдохновение по жизни, по судьбам и людям, по всем прошлым и будущим тысячелетиям – Христос. Прообраз женственности, которую он выводит из плена, освобождая от тяжести греха и самоосуждения – Мария Магдалина.

Грех – понятие онтологическое, а не этическое. Это не «плохое» в нравственном смысле, не нарушение нравственных законов. Грех – противоестественное состояние души, несвойственное ей, противное её природе (то есть безотносительно к содержанию греха, сам по себе грех – выверт души, её противоестественность, её несвойственность, неприсущность самой себе). Грех, в самом общем, и в то же время, телесном и осязаемом, смысле – это тяжесть, то, что тяготит душу и не даёт ей оторваться от земли. Говоря о грехе в этом смысле, как о понятии онтологическом, можно сказать, что грех – это синоним тяжести. Всего, что тяготит, мучает, связывает и не даёт свободно вздохнуть.

В этом эпизоде, изображено действие вдохновения в самом первом и самом точном смысле – освобождение души. Грешница приходит ко Христу с раскаянием. Её душу тяготит и не отпускает прошлое. Каждую ночь видением возвращается к ней прежняя жизнь.

«Чуть ночь, мой демон тут как тут
За прошлое моя расплата
Придут и сердце мне сосут
Воспоминания разврата

Когда, раба мужских причуд,
Была я душой бесноватой
И улицей был мой приют...».⁷⁸

Она приносит ко Христу всю свою жизнь, все свои страсти, всё пережитое и выстраданное – как грех. То есть, не просто всю жизнь, но всю жизнь как грех – как то, что держит и тянет к земле, но должно быть отпущено ради нового, грядущего, наступающего. Вся работа понимания и раскаяния уже совершилась – душа осознала какую-то часть себя как мёртвую, отжившую, неестественную – как не-свою, как чужую себе, как отличную от себя. Как вязкую и тягучую, придавливающую к земле, силу. То есть как грех, а грех – как осознание греха. И то, и другое – не свойственно душе, противоестественно ей. И то, и другое – мёртвое, засохшее. Оно должно быть сброшено как старое, ненужное, отжившее, неорганическое. Буквально: душа – это живое тело, сбрасывающее с себя всё ставшее мёртвым.

Сбрасывание лишнего, ненужного – символ чрезвычайно важный. Далее, мы будем больше говорить о расставании с прежним как об одной из черт Воплощения. Пока же, просто отметим, что в этой черте закручивается действие двух описываемых мною здесь стихий Вдохновения. Творчество — это оставление всего лишнего, тяготившего. Оно состоит только из свободных движений. Оно само есть свободное движение в чистом виде. И потому, оно развивается из отказа от всего, что мешает свободному движению, от всего, что сковывает и нарушает его естественную легкость. И в этом смысле, творчество родной стихией перекликается с одной из сторон женственности – обнажением. Обнажение – прыжок в свободу, как в другую реальность. И также, как и творчество – отказ от всего, что может мешать сделать этот прыжок. От всего сковывающего движения души и тела.

⁷⁸ Там же. – С. 738

Вся прежняя жизнь перестала иметь какое-либо значение, кроме одного – это то, что нужно оставить. Вся мысль, весь дух собрался в одну-единственную интенцию – готовность оставить всё прежнее ради новой, свободной жизни.

«Осталось несколько минут
И тишь наступит гробовая
Но прежде, чем они пройдут
Я жизнь свою, дойдя до края,
Как алавастровый сосуд
Перед тобою разбиваю»⁷⁹.

Всё, что могла она сделать сама, она сделала. Теперь, она пришла ко Христу как к той единственной силе, действие которой может вернуть её душе крылья, как к источнику вдохновения. Здесь – точка перехода в другую реальность. Всё будет оставлено, безотносительно к конкретному содержанию (то есть, не так, что грехи будут пересчитаны и обращены в конвертируемую валюту, а напротив, всё и разом – одним широким и простым движением). Этого перехода нельзя заметить, нельзя схватить, нельзя угадать заранее. «Грехов моих множества, судеб твоих бездны кто исследит?»⁸⁰, – восклицает Мария.

«Судеб» здесь, – путей, исходов, разрешений. Это значит – не имеет значения «объём» грехов, «количество» или «качество». Путь, которым выведет Христос человека из плена страдания. Просто «множество грехов», внезапно и неотменимо, станет «бездною судеб» Христовых – в едином, нерасчлняемом и мгновенном событии. Освобождение, которое нельзя подготовить и предсказать заранее, можно только опознать как уже случившееся. Опознать по состоянию – как лёгкость, как мягкость, как нежность, плавность и

⁷⁹ Там же. – С. 738

⁸⁰ Там же. – С. 575

естественность движений, мыслей и чувств. «Разреши долг, якоже и аз власы». То есть: «отпусти мою вину, как я распускаю волосы»⁸¹.

Распускание волос – символ прощения, разрешения, расставания с прошлым, развязывания прежних связей и привычек, стянувших сознание и не дающих душе вздохнуть свободно. Не случайно, на картинах художников, Магдалину, как правило, изображают с длинными, вьющимися, распущенными волосами. Это легкость и красота освобождения, развернувшиеся навстречу новой жизни.

В другом месте, в одном из черновых фрагментов романа, говорится уже не о расставании с прежним, а о встрече с Новым. Не о развязывании старых узлов, а о завязке предстоящего и наступающего. О той живой и свежей реальности, которая вырастает вместо мёртвой и тяжелой. «Два сознания объяснялись друг с другом при помощи мгновенных искр и озарений, как ведут далёкие шифрованные переговоры по телеграфу, два сознания перепутывались, перемешивались друг с другом, как спутываются волосы на двух сближенных прижатых друг к другу головах...»⁸².

Воплощение реальности – это настоящее, которое складывается из освобождающего расставания с прежним и вдохновляющей встречи с предстоящим. И то, и другое – торжество женственности и любви.

Пастернак понимал свой роман как решительный шаг, как действие, как реализацию. Выход энергии, отвечающий прелести женственности. Отвечающий ей как такой же лёгкий, простой и широкий жест. Чистое вдохновение, голая сила, не заботящаяся о манере выражения может быть нарочно, чтобы тем сильнее оголить себя. Стилистическая небрежность, «неотделанность» романа, сама по себе как бы «сделана». Пастернак художественность понимает как

⁸¹ Там же. – С. 574

⁸² Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; подгот. Текста и коммент. В. Борисова и Е. Пастернака. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 604

объективную силу, а не как форму или стиль, и связанное с овладением ими мастерство. На протяжении всего своего творческого пути, он уходил от той формы, от того искусства, которое осваивал. Бросив музыку, он начал заниматься философией, оставив философию – писать стихи. Написав одну из лучших в русской литературе книг любовной лирики («Сестра моя – жизнь»), он стал, в двадцатые годы, писать поэмы, с фабулой и сюжетом, написав «Спекторского», начал писать большой роман в прозе. И вот, в конце сороковых, пришёл к нему этот нестильный стиль, бесформенность и несуразность как форма, отсутствие мастерства (неумелость, неловкость) как мастерство. Заговорила сама реальность, такая же простая, неприметная и одновременно торжественная. Торжественная именно своей простотой – как стихи из романа. Такая же стремительная, неуловимая и мерцающая как движение судеб героев. Реальность действенна. Её действие изображено в романе, её действием является сам роман.

В письме Вячеславу Всеволодовичу Иванову от 1 июля 1958 года Пастернак так говорит о месте «Доктора Живаго» в своей творческой биографии: «Я давно и долго, ещё во время войны, томился благополучно продолжающимися положениями стихотворчества, литературной деятельности и имени, как непрерывным накапливанием промахов и оплошностей которым хотелось положить разительный и ощущаемый, целиком перекрывающий конец... чтобы это круто и крупно отменяло все нажитые привычки и начинало собою новое»⁸³. И еще: «Я не говорю, что роман нечто яркое, что он талантлив, что он – удачен. Но это – переворот, это – принятие решения, это было желание начать

⁸³ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 5. Письма / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1992. – С. 565

договаривать всё до конца и оценивать жизнь в духе былой безусловности, на её широчайших основаниях»⁸⁴.

Важно действие, важна действительность, полнота реализованности и выраженности. И в этом смысле, реальность, возвращающаяся к равности с собой, есть освобождение – прекращение всего привычного, всего ветхого, мёртвого, потерявшего смысл. Всего, что перестало действовать, утратило силу – и, следовательно – перестало быть реальностью, действительностью, жизнью. Реальность есть действие и актуальность. И потому – новое, свежее. Жизнь – это Новая жизнь.

Новое, новая жизнь – одно из имён реальности. Жизнь по определению есть Новое в противоположность мёртвому, отжившему. Юное и свежее вместо старого и затхлого. Бодрое и пластичное вместо унылого и косного. Эту Новую жизнь выражает, являет собой и утверждает женственность. Она воплощает её в двух формах – живых, подвижных, тесно переплетённых и в действительности неотделимых друг от друга.

Первое воплощение – Новая жизнь как новизна. Новизна настоящего, острота реальности. Уникальность, непредвиденность действительности – потрясающая и ошеломляющая. Молния, блеск, звон, сверкание. Ослепительно ясный, звенящий, солнечный, морозный день. Звучащий как «Тройка» Свиридова. Искра, внезапно озаряющая светом. Обезоруживающая, застигающая врасплох. Она заставляет нас вновь вспомнить знаменитый гераклитовский образ. Реальность – это молния, поражающая всякого присутствующего своей внезапностью. Она не имеет ничего общего со всем, что было до неё. Она разрывает все прежние связи. Она – чистая действительность, актуальность. Сбрасывающая всё возможное, теоретическое. Все гипотезы, предположения, оценки. Это воплощение Новой жизни подобно влюбленности – встрече с

⁸⁴ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 5. Письма / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1992. – С. 565

девушкой. Поражающей, обезоруживающей неотразимостью красоты.

Так и красота всей жизни в целом – ошеломительна, непредсказуема, свежа. Она стремительно настигает наше восприятие в самом центре сущего – в новизне настоящего.

Второе воплощение – Новая жизнь как грядущее, небывалое. Как будущая жизнь. Новое, которое предстоит, виднеется на горизонте, открывается в перспективе. Оно ещё не настало, не развернулось ещё во всю ширь. Но уже присутствует здесь во всей полноте – как то, что настанет и развернется. Как сама эта ширь, расположившаяся на месте всего прошедшего, и открытая будущему. Жизнь, по самой своей сути, есть рождение. В ней нет багажа, нет накопленного, нет прошлого. Она каждое мгновение рождается заново – это органическая свежесть и обновление. В ней нет старения. Она никогда не теряет актуальность. Жизнь — это Новая жизнь. Непрерывающееся рождение, рост, распускание и цветение.

В этом смысле, Новая жизнь воплощается в женственности и красоте материнства – в образе девушки с младенцем. Новое здесь – небывалость той будущей жизни, которую несёт она в себе, которую растит и вскармливает. Настоящее проникнуто грядущим – тем, что уже грядёт (идёт) ему на смену. Тем, что уже отменило этим своим шествием всё предшествующее. Сделало ход нам навстречу напрямиком из самого себя – из будущего. «С соблазнённости, замороженностью любовью начинается новая жизнь. Новая жизнь в значении рождающегося ребёнка. Это во всяком случае. Но и в других значениях. С проповеди любви начинается новое время в истории. Любовь всегда пора нового: нового существа, нового мира, нового периода, зазванность, завербованность в новое»⁸⁵.

В любви, в вовлеченности в стихию любви рождается новое. «Новый мир», «новый период», «новое время», в данном случае – не

⁸⁵ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; подгот. Текста и коммент. В. Борисова и Е. Пастернака. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 624

категории культуры, а категории онтологии. Они описывают онтологический сдвиг во времени. А точнее, само время как онтологический сдвиг. Будущее наступает, грядёт, шагает в настоящее. Проникает в действительность и становится ею самой. Новое является основанием всего происходящего. Новым основанием, не знающим старых порядков и иерархий. Распутывающим стянувшиеся из прошлого к настоящему узлом. Распускающим все прежне связи. Замечательно описан этот онтологический сдвиг в одном размышлении из дневниковых записей Юры Живаго. «Мне всегда казалось, что каждое зачатие непорочно, что в этом догмате, касающемся Богоматери, выражена общая идея материнства»⁸⁶.

Вспомним предложенное мною определение (точнее, описание сути) греха: грех – тяжесть, то, что не даёт оторваться от земли, не допускает вдохновения. Вещество, из которого плетётся ткань греховного существования, – порок. Порок или порочность – это порочная связь. То, что связывает, не даёт быть свободным. Прошлое, которое не отпускает. Непорочный – освободившейся от прошлого. От всех возможных причинных связей, обусловленностей, предопределенностей. От всех оснований, законов и принципов. От всей совокупности несвободы, называющейся прежним, – тем, что было. Зачатие непорочно – ничем не определено, не имеет причин, не вплетено в прежние связи. Напротив, это событие освобождения от всего. Оно основывается в Новом, и осуществляется на иных началах и силах. На силе вдохновения.

Так скажет об этом в своей «лекции» и Симушка Тунцева: «...девушка – обыкновенность, на которую древний мир не обратил бы внимания, тайно и втихомолку даёт жизнь младенцу, производит на свет жизнь, чудо жизни, жизнь всех, «Живота всех, как его потом называют. Её роды незаконны не только с точки зрения книжников

⁸⁶ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 404

как внебрачные. Они противоречат законам природы. Девушка рождает не в силу необходимости, а чудом, по вдохновению. Это то самое вдохновение, на котором Евангелие, противопоставляющее обыкновённости исключительность и будням праздник, хочет построить жизнь, наперекор всякому принуждению»⁸⁷.

Это Новая метафизика. Метафизика Нового Завета. Метафизика непринужденности. Мир, основанный на вдохновении. Мир рождающийся. Мир, который приносит с собой, устраивает, утверждает – девушка. А это значит, мир, который устраивается и утверждается сам собой, легко и естественно. Я бы даже сказал, легкомысленно и опрометчиво. А не чьим-то целеполагающим, волевым действием. «На всякой рожаящей лежит тот отблеск одиночества, оставленности, предоставленности себе самой. Мужчина до такой степени не у дел сейчас, в это существеннейшее из мгновений, что точно его и в заводе не было и всё как с неба свалилось»⁸⁸.

Образ Богородицы – девушки с младенцем, это образ Новой жизни, свалившейся с неба и предоставленной себе самой. Дело мужчины здесь именно в том заключено, чтобы остаться не у дел. И это тоже, своего рода, действие, поступок, творчество. Собственно, то, что делает Юра Живаго всю свою жизнь – остаётся не у дел. Просто присутствует, и ведёт дневниковую запись присутствия, своего существования. А существование – это рождение (после которого не будет уже смерти, рождение – возрождение, рождение – воскресение). Рождение Новой жизни.

И в этом смысле, каждая девушка вынашивает, рождает и вскармливает Бога (Христа). Сам дар любви, дар жизни, оживляющий сущее. Независимо от того, каким будет родившийся человек, рождение – это всегда рождение Человека. А значит – всей жизни,

⁸⁷ Там же. – С. 572

⁸⁸ Там же. – С. 572

всего дыхания и всей мысли. Воплощение образа и облика. Лица. Того, что будет узнано и встречено (им же самим).

Вот два образа Новой жизни – как ослепительной новизны реальности, настагающей врасплох, подобно молнии, и как будущего, грядущего и небывалого Нового мира, уже проникшего в настоящее и овладевшего им. Эти два образа неотделимы друг от друга, вплетены друг в друга и взаимопроникнуты. Всматриваясь в один, мы видим, как просвечивает сквозь него другой, а, обратив внимание на другой, замечаем, что он проявляется (становится явлением), потому что в нём действует первый. В каждом из них присутствует другой, как внутренний облик, как действующая, осуществляющаяся сила. Во взаимном действии и проявлении они рожают Новую жизнь, имя которой – женственность. Это взаимодействие и взаимопроникновение подобно тому, как в образе одной девушки неотделимы красота возлюбленной и красота матери. Как в мадонне – одним, единым явлением, воспринимаются «девушка» и «девушка с младенцем».

И так в человеке, этим двум чертам одного образа отзываются два чувства одного опыта. Это влюбленность и любовь – рождающиеся и воплощающиеся друг в друге. Острота Новизны и значительность, небывалость Нового. Настоящее и врывающееся в него будущее. Без этого вторжения нет и самого настоящего. А точнее, само настоящее и есть вторгающееся будущее. А будущее есть то, что вторгается в настоящее. И настоящее, и будущее, невидимой, но решительной границей отделен от прошлого. И настоящее, и будущее непредвиденны, неуловимы, вольны. И к настоящему, и к будущему, человек не может быть готов. Неподготовленность – и есть единственно возможный способ восприятия настоящего и будущего. Наступающего будущего и будущего наступающего. Наступившего как будущего и будущего как уже наступившего. В состоянии неготовности к настоящему, к реальности, можно увидеть будущее как настоящее и как реальность.

В состоянии безоружности перед грядущим будущим можно увидеть настоящее и реальность как будущее. Это тот опыт, который испытывает, через который проходит агнец. Об этом говорили мы в начале наших размышлений. Тот, кто безоружен перед наступающей, настигающей, накатывающей влюбленностью, тот просыпается от тысячелетнего сна (от того сна, которым спит всё человечество, человек как род, от сна Адама). И проснувшись, обнаруживает себя в будущем. В воплощенной реальности любви. В любви как воплощенной реальности. Это тот опыт, который описывает Пастернак в «Охранной грамоте»: «Оттого, что была весна, вчерне заканчивавшая выселенье холодного полугодья, и кругом на земле, как неразвешанные зеркала, лицом вверх, лежали озёра и лужи, говорившие о том, что безумно емкий мир очищен и помещенье готово к новому найму. Оттого, что первому, кто пожелал бы тогда, дано было вновь обнять и пережить всю, какая только есть на свете, жизнь. Оттого, что я любил В-ю. Оттого, что уже одна *заметность* настоящего есть будущее, будущее же человека есть любовь»⁸⁹.

Настоящее не имеет самостоятельного существования. Настоящее есть будущее, вторгающееся в настоящее. Влюбленность есть любовь, врывающаяся в наше восприятие и опыт, распространяющаяся по всей протяженности воплощения. Во влюбленности любовь берёт слово, и начинает говорить категорически «от себя», совсем по-новому, не считаясь с привычками нашего слуха. Любовь есть внутренняя высвеченность влюблённости, как свечка, горящая изнутри лампы. «Заметность настоящего» это не ситуация, «когда мы замечаем настоящее». «Заметность» здесь, онтологическая суть настоящего. Та сила, что делает настоящее светящимся и глядящим на нас. Сила, без которой и нет настоящего, которая сама и есть настоящее. Настоящего нет вне его заметности. «Заметность настоящего» – и есть единственно

⁸⁹ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 4. Повести; Статьи; Очерки / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 178

настоящее. И она, - эта сила делать себя заметной и быть заметностью, - и есть будущее. Оно уже стало настоящим. Оно уже горит и светится. Будущее – свечка, горящая изнутри настоящего.

Подражая новозаветным текстам, роман Пастернака стремится быть чистой онтологией – «словом о сущем», передавая не идеи, а силу самой жизни, её энергию. Энергию будущего, грядущего, небывалого. Вперёд всех возможных этических смыслов и интерпретаций, Новый Завет – это чистый свет и воздух, приносящий весть о бессмертии, как проявление самого бессмертия. Новое проникает в жизнь и действует. Его дыхание угадано и предчувствовано – в образах Евангелия и во вдохновенности самой жизни. В этом – коренной смысл новозаветной метафизической новости. Новое, то, что грядёт, будущая жизнь, уже наступили, уже здесь, действуют и осуществляются.

В одном из черновых вариантов романа эпитафией служила цитата из Откровения Иоанна Богослова: «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

В одном фрагменте из Откровения Иоанна Богослова будто заключены два времени – речь идёт о том, что будет, и о том, что уже прошло. И это – одно и то же. Это – всё. Всё сущее, всё произошедшее. Слезы, болезни, смерть – всё случившееся, что держит нас. Всё, что не даёт оторваться от земли. Всего этого не будет потому, что этого уже нет. Всего этого не знает будущая жизнь потому, что это – прошлое. Момент «сейчас», «настоящее» — это видение, никакого другого содержания у этого времени нет. Чистая Заметность. Заметность того, что всё пережитое, всё прошедшее уже не существует и не действует. Что всё произошедшее более мной не владеет. Видение того, что в том, что наступает, не будет ничего из того, что было. Прошлое – это всё уже известное, всё освоенное и утвержденное, все умения и навыки, всё, что мы приобрели и чему научились. Опирайтесь больше не на что. Ничто и ничего более собой

не представляет, и то, что предстоит нам – ничем не может быть подготовлено. Нет ни опыта, ни памяти – душа становится духом. Мысль становится вдохновением. Острота откровения, однако, не только в торжественности эсхатологии, но в способе данности самой реальности.

«Прошлое прошло» – это ведь, в сущности, тавтология. Прошлое не может быть никаким иным, кроме как прошедшим, то есть, утратившим силу, не действующим, одним словом – ветхим. Равно как и будущее не может быть никаким иным, кроме как совершенно новым, невиданным, неиспытанным, небывалым. Тем, чего прежде не было и не могло быть. Для философии тавтологическое утверждение – не логическая ошибка, но напротив, самая естественная форма выражения. Тавтология – последнее умозаключение, в котором ум уже ничего не может заключить. Тезис, отменяющий все тезисы. Утверждение, отменяющее утверждаемость. То место, в котором язык встречается с собственными границами (и с самим фактом собственной ограниченности) – и разбивается о саму реальность, капитулируя перед невозможностью выразить её. Суждение, которое уже ничего не судит, но только описывает какое-то положение дел. Самые знаменитые философские тавтологии – «мыслю, следовательно существую» и «бытие есть, небытия нет». Это силлогизмы, прощающиеся со сферой силлогистики, и ныряющие в сферу очевидностей духовного опыта. Одной из таких очевидностей является утверждение о том, что «прежнее прошло». В фокусе внимания здесь также некое онтологическое качество, черта существования как такового. Но, в отличие от парменидовской и декартовской, тавтология из Апокалипсиса носит ярко выраженный практический характер. Текучесть сущего и прошедшесть прошлого, означают, что существование есть освобождение и очищение. Страдание, горе, смерть естественным образом уходят в прошлое. Потому что внутренняя неизменная суть прошлого – проходить, уходить и увлекать за собой всё возникающее. А внутренняя

неизменная суть жизни – оставлять прошлое, прежнее, раскрываясь навстречу будущему.

Действительность сама по себе эсхатологична, поскольку устроена как временность, как прохождение. Как обновление – развертывание, совершение нового, прекращение старого. Время как временность, длительность – свойство Вселенной, её манера жить. Мир существует как длящийся. Жизнь живёт, реализуется, осуществляется как временность. Жизнь – это переход (от мёртвого к живому – оживание, воскресение). Живёт – значит переходит. От прошлого, через настоящее, к будущему. Значит – оставляет прежнее и открывается навстречу Новому. Быть реальностью означает быть в этом состоянии – оставлять прежнее и открываться Новому. Воплощение – это оставление прежнего и открытость Новому. Сам процесс перехода из прежнего в Новое. Процесс органический. Подобно тому, как растение сбрасывает старые сухие побеги, чтобы вытягиваться к солнцу и цвести, так и реальность воплощается, выражает себя - расцветает, переходя от прошедшего прошлого к наступающему будущему.

Голос действительности симфоничен женственности. Он звучит всегда по-новому. И в этом смысле – отменяет грубость, пошлость, прямолинейность жизни и мысли. Всё это – прежнее, отжившее. Не как признак или свойство чего-то, а как самая суть этого, как ещё одно имя. Грубо, пошло, прямолинейно – то, что отжило, из чего ушла жизнь; то, что утратило свежесть и ясность (ветхое – мутное, непонятное).

Один из черновых вариантов названия романа – «Смерти не будет» (от этого названия Пастернак отказался, как от многих, слишком «концептуальных», так сказать, фрагментов). Жизнь Юры и Лары кажется такой неуместной, такой неустроенной оттого, что не продолжает старое, не воспроизводит правила и не следует закону. Их лёгкость и свежесть подражает тому, что будет, стихии небывалого. Финал романа проникнут дыханием Нового. Всё меньше

связывает Юру со старым порядком, всё более и более он становится чужим всему. Приближение Лары (несознаваемое им) возвращает вдохновение и силы. Смерть и похороны Живаго – вершина творчества и чудотворства Жизни-Судьбы совершенно ничем не обоснованная, воздушная логика. Невероятность совпадений и встреч. От начала романа Реальность, описываемая им, постепенно теряет статичность и определенность, теряет обязательность причинных связей, сбрасывала всё засохшее и мёртвое. Всё меньшее пространство романа занимает субъективно-психологическая осознанность героев (их мысли, мнения, желания) и их деятельность в «естественной установке», так сказать. Всё меньшая тяжесть и тягучесть греха тянет вниз их души. И всё больше они расправляют крылья для лёгкости и полёта. Первая часть романа – историческая реальность первой половины 20-го века, разные пути и судьбы героев. Вторая часть – уже скорее сказочная реальность спасения и торжество воплощенности. Пути и судьбы героев непостижимым, сказочным образом совпадают и вырастают друг в друга. *Встреча* становится главной героиней романа. А главное содержание и суть Встречи – освобождение от всей тяжести путей и судеб, от всех исторических обстоятельств. «И она ощутила волну гордости и облегчения, как всегда с ней бывало при мысли о Юрии и в недолгие промежутки жизни вблизи его. Веяние свободы и беззаботности, всегда исходившее от него, и сейчас охватило её... Ей хотелось хоть ненадолго, с его помощью вырваться на волю, на свежий воздух из пучины опутывавших её страданий, испытать, как бывало, счастье освобождения»⁹⁰.

Торжество свободы и беззаботности – теперь они правят миром. Живаго всех приглашает на праздник – испытать «счастье освобождения». Жизнь утверждает, как абсолютный факт, свою волю и безосновательность. Юра и Лара возвращаются на свою

⁹⁰ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – С. 684

родину – через несколько дней она растворится также, как и он (он – спрятался от друзей в комнате в Камергерском переулке; она – ушла из дома и не вернулась). «Однажды Лариса Фёдоровна ушла из дому и больше не возвращалась. Видимо, её арестовали в те дни на улице, и она умерла или пропала неизвестно где, забытая под каким-нибудь безымянным номером из впоследствии запропастившихся списков, в одном из неисчислимых общих или женских концлагерей севера»⁹¹.

Такие грустные и такие печальные слова, но звучит эта грусть и печаль – как веяние тихого ветра, как чистое и лёгкое дыхание новой жизни. Юра и Лара уступают напору обстоятельств, но, в конечном счёте, остаются победителями. То, что грядет – это их стихия, лирика их мысли и мировосприятия. Мир движется в сторону их родных стихий. Одна из главных мыслей всего романа, очень прозрачно и точно выражена автором, но сама по себе очень трудна для восприятия. Это мысль о том, что Юра Живаго, в конечном счёте – победитель. Победитель грубости, пошлости, прямолинейности мысли. Победитель логики силы, власти и порабощения. Он высвобождает самостоятельную внутреннюю силу действительности, даёт ей выразить себя. Придаёт толчок и направление её полёту. А она подхватывает его и несёт вместе с собой. Лирика для Юры – мировосприятие и способ жить, и они созвучны голосу самой жизни. Он органичен Вселенной. Он – сама органика её движений. Миру органична лирика, и противна, противоестественна юриспруденция. И потому, естественно, что нежность побеждает грубость – просто не вступая в борьбу (пусть грубость, в пределах своей ограниченности и продолжает думать, что побеждает именно она). И так Юра Живаго и Лара, уступая власти Комаровского, прямолинейности Антипова, Гордона и Дудорова, и противоестественности и вымороченности всего, происходящего вокруг, выходят победителями.

Слишком гордо и громко звучит в них, звучит для них победный гимн нежности.

⁹¹ Там же. – С. 688

Пастернак, предельно ясно говорит об этом в стихотворении «Сказка», которое пишет Юра после расставания с Ларой в Варыкине. В нём воин (Георгий Победоносец; Георгий – Юра), освобождает девушку (Лару-женственность) от дракона (Комаровского – грубости, пошлости, прямолинейности, порабощающих женственность). «Сказка» – метафора всего романа, и всей нашей жизни, её метафизического сюжета. Путь человека – творчество. А творчество – это освобождение женственности из подчинения власти грубости и пошлости. Жизнь идёт по пути освобождения от подчинения и насилия, по пути перехода в свободу, в лёгкое и органическое, вдохновенное существование.

Освобождение и облегчение – характер Вселенной, её естественный строй, направленности всего происходящего. Реальность настигает, не давая успеть опомниться. Финал «Доктора Живаго» – свежесть очищающего и наполняющего жизнью ветра. Ветра Новой жизни, ветра Будущего, врывающегося в настоящее и отменяющего прошлое.

Гордон и Дудоров становятся свидетелями спасенной реальности, воплощенного облика Живаго: «Состарившимся друзьям у окна казалось, что это свобода души пришла, что именно в этот вечер будущее расположилось ощутимо внизу на улицах, что сами они вступили в это будущее и отныне в нём находятся»⁹².

Воплощение – это прикосновение. Внимание ей захватывает человека, когда касается его. Сознание – это прикосновение (замеченность настоящего). Ясность наступает естественно, как природное состояние. Реальность располагается посреди мира и человека, как устанавливается весной тёплая и солнечная погода.

Не случайно, именно весна – время пасхи. Время обновления природы и преображения человеческой жизни, всего мира. Как необратимо расцветает и оживает весной весь живой мир, так же неизбежно и естественно приходит вдохновение на смену старому,

⁹² Там же. – С. 707

косному порядку. Заполняя собой всё пространство, становится общим состоянием и общим видом. Даже, если можно так сказать, - общим принципом существования. Смерть уходит, наступает воскресение, вопреки всем законам, отвечая только тоске и чаянию человека. Сумасбродство духа в три дня отменяет всё прежнее. Наступает пасха – вся Жизнь переходит из рабства в свободу.

«Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь –
Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресения»⁹³.

Воскресение – это одновременно и усилие, и то, что наступает само собой, как «только-только распогодь», как погодное явление. Придёт пора, настанет время и то, что мы должны сделать, смочь, станет действительностью. Усилие станет осуществившимся, станет онтологической реальностью. Победить смерть можно только прекратив насилие, остановив действие силы и грубости. Это значит тогда, когда оно уже прекратилось. Осуществившееся усилие как дар, как подарок. «Слух весенний» подскажет, когда это случится. «Слух весенний» - весть о бессмертии, новозаветная новость, воплотившееся Слово.

⁹³ Там же. – С. 711

Литература

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. - СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.
2. Бибихин В.В. Мир. - СПб.: Наука, 2007. - 431 с.
3. Бибихин В.В. Новый Ренессанс. - М.: Наука, 1998. - 496 с.
4. Бибихин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер. Материалы к семинару. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. – С.493-519.
5. Бибихин В.В. Пора (время-бытие). СПб.: Вл. Даль, 2015. 367 с.
6. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. - СПб.: Наука, 2012. - 536 с.
7. Бибихин В.В. Узнай себя - СПб. : Наука, 1998.— 575 с.
8. Бибихин В.В. Чтение философии. - СПб.: Наука, 2009. — 536 с.
9. Бибихин В.В. Энергия. - М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.
10. Бибихин В.В. Язык философии - М.: Прогресс, 1993. - 404 с.
11. Гронден Ж. Поворот в мышлении Мартина Хайдеггера. – СПб.: «Русский мир», 2011. – 252 с.
12. Гуссерль Э. Амстердамские доклады / Пер. А. В. Денежкина // Логос. — 1992. — № 3. — С. 62—81; 1994. — № 5. — С. 7—24.
13. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая - М.: Академический проект, 2009. — 486 с.

14. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций / Пер. с нем. Н. А. Артеменко; вступ. ст. и коммент. И. И. Мавринского. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. — 224 с.
15. Гуссерль Э. Парижские доклады / Пер. и примеч. А. В. Денежкина // Логос. — 1991. — № 2. — С. 6 - 30.
16. Гуссерль Э. Статьи об обновлении // Вопросы философии. — 1997. — № 4. — С. 109—135.
17. Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. — Ленинград: Наука, 1970. — 466 с.
18. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. — 920 с.
19. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. — 768 с.
20. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10: Письма 1954- 1960 гг. / Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. — М.: Слово/Slovo, 2004. — 680 с.
21. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 3. Доктор Живаго: роман / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; подгот. Текста и коммент. В. Борисова и Е. Пастернака. — М.: Худож. лит., 1991. — 734 с.
22. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 4. Повести; Статьи; Очерки / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. — М.: Худож. лит., 1991. — 910 с.
23. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 5. Письма / Редкол.: А. Вознесенский; Д. Лихачёв; Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. — М.: Худож. лит., 1992. — 703 с.
24. Рильке Р.М. Дыхание лирики: Переписка с Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком. Письма 1926

года / Райнер Мария Рильке; сост. и коммент. К.М. Азадовский и др. - Москва: Арт-Флекс, 2000. - 300с.

25. Рильке Р.М. Избранные сочинения / Р.М.Рильке; редкол. И.Б. Бачкало и др. - М.: Рипол Классик, 1998. - 701с.

26. Рильке Р.М. Проза. Письма: пер. с нем. / Райнер Мария Рильке; сост. М.Рудницкий - М.: Фолио: АСТ, 1999. - 601 с.

27. Свасьян К.А. Гёте. – М.: Мысль, 1989. – 191 с. – (Мыслители прошлого)

28. Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии: (критика и анализ). Отв. ред. А.В. Гулыга. – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – 226 с.

29. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. – Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1987. – 199 с.

30. Седакова О.А. Апология разума. – М.: МГИУ, 2009. – 2009. – 138 с.

31. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Сост.: игумен Андроник (Трубачёв), М.С. Трубачёва, Т.В. Флоренская, П.В. Флоренский. Предисл. и комм. игумена Андроника (Трубачёва). – М.: Моск. рабочий, 1992. – 560 с.

32. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т.1 – М.: Академический проект, 2013. – 684 с. – (Философские технологии).

33. Хайдеггер М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина; Вступ. ст. И.В. Минакова. - Харьков: Фолио, 2003. – 510 с.

34. Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступления / М. Хайдеггер; Сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Бибихина. - М.: Республика, 1993. – 447 с.

35. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет: сборник / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем., сост., вступ. ст. и коммент. А. В. Михайлова] - Москва: Гнозис, 1993, - 333 с.

36. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер; пер. с англ. Э. Сагетдинова. - М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2006. - 320 с.

37. Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 460 с.

38. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни; пер. с нем. Н.Ман. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 687 с.